

25 Září 1932. **Volné Kozáctvo** Ročník V.

113

25-го сентября 1932 г. 25-го вересня 1932 р.

ПРАГА PRAHA

ГОД ИЗДАНИЯ 5-ый РІК ВИДАННЯ 5-ий

Ю. Пилат

СОДЕРЖАНИЕ.

1. Б. Кундрюцков: Гимн Казкии. (Hymna Kozákii).
2. И. Томаревский: Братьям в. к. (Bratřím volným kozákům).
3. [illegible]: (Stepní duše).
4. П. Поляков: Королевич Марко. (Kralevič Marko).
5. Л. Костина: В вагоне. (Ve vagonu).
6. О. Печеніг: *** (Verše).

7. Казаки и казачий вопрос. (Kozáci a kozácká otázka).
8. А. Ленивов: Яицкие казаки. (Jaické kozáci).
9. Чужинец: М. Чайковский в Стамбуле. (M. Čajcovskij ve Stambulu).
10. П. Фадеев: Осень 1918 г. (Podzim 1918 r.).
11. И. Комаров: Яицкому Атаману. (Jaickému atamanu).
12. Думы и мысли. (Dumy a mysli.).
13. С. Балыков: Изощрения недругов В. К. (Úskoky nepřátel V. K.).
14. Гнату Шевелю (Макухе). (Hnatu Ševelju).
15. И. Билоус: Ответ ген. Науменко. (Odpověď gen. Naumenko).
16. Я. Негреев: Призыв (Výzva).
17. Ф. Бабкин: Вместо фельетона. (Místo feyilletonu).
18. Казачья эмиграция. (Kozácká emigrace.).
19. В Казакии. (V Kozákii).

Почтовый ящик.

Белград. — Б. К. — Получено. Привет.
Белград. — П. П. — Получено. Привет.
Лион. — А. А. — Получено. Привет.
Франция. — М. К. — Получено. Журнал высылается исправно. Привет.
Ганновер. — А. Р. — Получено. Привет.
Южин. — А. И. — Получено привет.
Бельгия. — Н. Б. — Будет помещено в следующем номере. Привет.
Париж-Брюховчанин. — Такие письма помещаем только за собственной подписью.
Югославия. — Вл. К. — Жду продолжения. Привет.
Швеция. — А. Т. — Клише Вам послано. Все, что пришлете за него — поступит в фонд с'езда. Привет.
София. — Ф. Б. — 106-й номер журнала Вам послан. Привет.
Шабац. — А. М. — Посылаем. Привет.
Княжевац. — И. Н. — Хорошо, Привет.
Белосток. — А. К. — Получено. Привет.
Львів. — Бібл. Наук. т-ва ім. Ш. Посилаємо.
Швеция. — Д. Т. — Получено. Привет.

Гонорар не платится.

Не принятые к напечатанию рукописи не возвращаются.

Представители журнала „Вольное Казачество — Вільне Козацтво“:

В Ч. С. Р.:

В БРНО: **Виктор Карпушкин.**
В БРАТИСЛАВЕ: **И. И. Безуглов.**

В ЮГОСЛАВИИ:

Б. А. Кундрюцков. Белград.
А. Чекин. Крагуевац.
Г. В. Алферов — Мраморак.

В РУМЫНИИ:

[illegible] Елисеев. M-eur Elisseeff, Cluj.
[illegible] Маргушин. M-eur Margouchine. Bukarest V.
А. К. Бабков. M-eur Babkoff, Galatz.

В ПОЛЬШЕ:

Б. В. Фесенко. Варшава.
С. Тулаев. — W. P. S. Tulajew. Wilno.
А. Кирьянов. Августов.
Вл. Еремеев. W. P. Wl. Ieremiejew, Grajewo.

В БОЛГАРИИ:

П. Н. Кудинов. Александрово.
Н. Егоров. Лом.

ВО ФРАНЦИИ:

Ш. Н. Балинов. Париж.
А. К. Ленивов. M-eur Lenivoff; Lyon.
Т. К. Хоруженко. M-eur Khoroujenko; Lyon-Vaise.
И. В. Чуприна. M-eur I. Tchouprina. Cenon (Gironde).
С. К. Поляков. M-eur S. Poliakoff, Rombas.
Г. В. Балабин. M-eur Balabine. Ugine.

В СЕВ. АМЕРИКЕ:

А. Д. Аникушин. M-r Anikoushine. Cleveland, (U.S.A.).

В ЮЖНОЙ АМЕРИКЕ:

С. Савицький. S. Savytzky. Brasil.

НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ:

И. Константинов. Харбин.

Козачья — наша цель

ВОЛЬНОЕ КОЗАЧЕСТВО

ВІЛЬНЕ КАЗАЧЕСТВО

Наш девиз — Казачья воля

VOLNÉ KOZÁCTVO — LES COSAQUES LIBRES

Иллюстрированный двухнедельный журнал литературный и политический.

(Vychazí 10 a 25 každého měsice).

Редактор **И. А. Билый.**

Редакция и администрация: Praha-Vinohrady, Hradecká, 2207. Tchécoslovaquie.

№ 113 *Воскресенье, 25 сентября, 1932 = Неделя, 25 вересня, 1932.* *№ 113*

Борис Кундрюцков. *(Белград).*

ГИМН КАЗАКИИ.

(Проект)

Славьтеся, вольные реки!
Славься, могучий народ!
Слава казачья во-веки
Здесь, на земле, не умрет!

Край, атамана и волю,
Бог Всемогущий, храни.
Вольной Казакии долю
Светлую, Боже, пошли...

Славьтеся, вольные реки!
Славься, могучий народ!
Слава казачья во-веки
Здесь, на земле, не умрет...

Ив. Томаревский *(Болгария).*

БРАТЬЯМ ВОЛЬНЫМ КАЗАКАМ.

Готовы-ль на жертвы вы, братья, скажите?
Готовы-ль за волю свою пострадать?
Готовы — так дружно на поле спешите
С врагами свой спор вековой разрешать.

Пером и мечом за заветы святые
За старую волю вам нужно радеть,
Чтоб жить на родимых полях Казакии
И счастье-свободу на веки иметь.

Готовы — то все, как один, выходите,
Берите все сабли, седлайте коней;
И лучше на поле за волю умрите,
Чем в рабстве оставить своих вам детей.

В. П. Елисеев. (В. Петров).

Степная душа.

Я помню этот день. День глубокой печали, полной растерянности, раздавленности хутора. В этот памятный день у хуторского кладбища стоял покрытый лантухом развод, а возле развода — три гооба. Два гроба — как и бывают гробы — обыкновенные, а третий — во всю длину доски. И, как помню, этот гроб походил больше на тот „гроб“, через какой прыгают казаки на „учениях“ (только был гораздо длиннее), чем на те два гроба, которые стояли по его сторонам. В первые два гроба положили по покойнику без всякой трудности, а как стали класть покойника в тот третий длинный, высокий гроб, то принуждены были снять с развода колеса. И только после этого с большим трудомудалось целому десятку казаков уложить туда третьего по счету покойника...

В этот день бешенно скакали по хутору почтовые тройки, и люди в белых плащах, зачищавших их от хуторской пыли, опрашивая невестку, что-то писали.

Казаки, бабы и дети, робко жавшиеся у гробов, с пугливым любопытством смотрели на писавших незнакомых людей и угрюмо-молчали. Невестку, неспавшую от горя подряд несколько ночей, опросив, заставили подписать бумагу...

Похоронили в этом длинном, высоком гробу, как я узнал от отца, придя домой от кладбища, Федора Ивановича Фролова...

Загорелось мое детское любопытство, захотелось знать, кто был этот Федор Иванович Фролов? Этот великан, которого мертвого не могли снять с развода — принуждены были сначала снять колеса, чтобы потом уже с земли уложить его в гроб, да и то с какими муками...

Детское мое любопытство отец удовлетворил...

... Степь... Безграничная, светлогривая, таинственная степь... Степь порою, как бы даже утомительная, требовательная, жестокая, но все же и тогда утешающая, успокаивающая, обвораживающая... Степь — захватывающая душу волшебным порывом нескончаемая сказка. Степь — жизнь. Степь — сила...

Федор Иванович Фролов ее, степь, называет еще „чеканихой“.

— На „чеканихе“-то, соседушка, думаешь точком обосноваться?

— На „чеканихе“, — отвечает и тот.

„Чеканиха“ — синоним степи многих хуторов и станиц...

Правда, до „чеканихи“ от хутора верных двадцать верст и для того, чтобы на ней обосноваться точком, нужно иметь не только „возилку“ на железном ходу (про деревянный ход и говорить нечего — не выдержит) и всю прочую надежную хозяйственную справу, но и худобу соответствующую. И все бы, конечно, предпочли далекую, но плодородную „чеканиху“ близкой Одеянке, да не всем это предпочтение позволительно. Ну, и потому кто победней, тот, и гнездится током на Одеянке — на земле сработанной-перераб-

танной. И можно сказать без ошибки, что зажиточность каждого казака находится в прямой пропорциональности с местонахождением его тока — чем ток дальше от хутора, тем казак с большим достатком и чем ток ближе к хутору, тем казак бедней. Под горой, например, у самого хутора -- настоящая беднота (засевавшая только свои наделы). К Ильину дню уже отмолачивается, а к „холодному мясоеду“ намолоченное поедает...

Собственно говоря, Федор Иванович не принадлежал к числу хуторских богатеев — по своей зажиточности он стоял ниже тех, которые занимались земледелием на „чеканихе“.

Но уж так обстояло дело. Все знали, что Федор Иванович должен выехать пахать на „чеканиху“. И если бы он не выехал, то хуторские богатеи не только что удивились бы, но и кинулись бы просить Федора Ивановича — стать током на „чеканихе“, возле них. Но до отсутствия Федора Ивановича на „чеканихе“ дело никогда не доходило. Федор Иванович имел нужду в „чеканихе“ больше хуторских богатеев. Знал по себе — стоило только ему некоторое время не повидать „чеканихи“, и богатырская сила его, которой он был обладателем, сейчас же начинала его оставлять. Он сразу становился тогда, если уж не больным, то каким то хилым — хирел на глазах всех. Тогда он скорей катил на степь — „чеканиху“, — и сила к нему возвращалась. Вот что знал о себе Федор Иванович и всегда это понимал, не забывал,,

А силы Федор Иванович был, действительно, небывалой. Эта сила и равняла Федора Ивановича с хуторскими богатеями — давала ему право, сравнительно небогатому, заниматься вместе с ними хлебопашеством на „чеканихе“. Да и как бы она его не равняла! Своей богатырской силой Федор Иванович был известен на всю Область. О том, как однажды на хуторской драке он одним ударом кулака убил на смерть Петра Ковалева, осиротив его детей и наведя панику на хутор (после чего Федору Ивановичу и было официально властями запрещено драться на драках), говорить нечего. Но вот о том, как Федор Иванович там, где не брали быки или кони, берется за воё или дышло и сам вытаскивает засевший в болото по самые ступки развод с сеном или зерном, — о том следует упомянуть. А иногда и не запрягается, а, просто, подляжет под заднее колесо загрузшего развода и вынесет его на сухое. От того Федор Иванович и не боялся дальней дороги на „чеканиху“. Знал, что если справа или худоба подведет, то сила выручит...

Один раз в станице приказчик по хлебной ссыпке, должно быть, упустил из виду с кем имеет дело и позабыл из-под весов выбросить практикуемый им нередко камень. Поначалу весы были, как весы. А потом, сколько не валят на них чувалы, стрелка стоит, как укопанная — не прибавляет веса. Схватил Федор Иванович своими могучими руками за цепь весов — наверх поднимаются, а вниз, как мертвые. Рассердился да как навалится на чувалы всей своей пятнадцатипудовой тушей. Весы сначала с'ежились, а потом, когда под ними что-то треснуло, облегченно заскрипели, и чувалы сразу пошли на низ, задрав половину с гирями. Федор Иванович так рассвирепел, когда увидел расплющенный камень, что в первую минуту хотел было подложить под весы самого приказчика, а потом, сплюнув и выругавшись, ограничился только самими весами, сбросив свои чувалы, скинул их с яра в Дон вместе с гирями. О приказчике уже, конечно, говорить нечего, но и сам хозяин никогда не протестовал за такое пренебрежение к „Торговому Дому Буи Дрейфуса“...

Будучи однажды в Ростове, Федор Иванович попьянке забрался в известный столичный цирк. Привлек его оголенный борец на афише цирка и „изломал“ там знаменитого борца (Лютовым звался он на афишах).

Об этой борьбе с столичным силачем иногда под слово рассказывал сам Федор Иванович.

— Больше уговаривались, чем боролись, — говорил без всякого хвастовства Федор Иванович. — Все условия мне ставили. О какой то там „швейцарской“ все толковали. А я его по-донскому. И один только раз приложил к земле (о „лопатках“ его и не думал!), а он, сердяга, больше и не поднялся. Жалко, что я не имел ста рублей в кармане — на залог. Ей-Богу, машину бы привез недуманно из Ростова. Вот бы удивил хутор...

Зная Федора Ивановича, хутор удивлялся только тому, как это какой-то там борец (хотя он и столичный) осмелился вступить с Федором Ивановичем в борьбу. Счастлив еще, что хотя полуживым вынесли из цирка, а то могло бы быть с ним гораздо хуже...

Через некоторое время, после борьбы Федора Ивановича с столичным силачем, приехал из Рассеи в хутор специальный посланец. Предлагал Федору Ивановичу сделаться столичным цирковым силачем. Сулил Федору Ивановичу богатый ангажамент и мировую славу силача. Но Федор Иванович отверг и богатый ангажамент и мировую славу силача. Не променял казачий хутой на русскую столицу и не отдал зародившуюся в нем славу-силу не только русской столице, но и самому миру. Отверг. Не поддался ни на льстивые речи чужого человека, ни на большие деньги. И только лишь потому, что уж слишком любил свой хутор и родну степь — „чеканиху“...

— Степная душа пса у меня, — говорил он всем. — Зачах бы я в ихних столицах. Там не только жизнь, но и смерть-то мне не к лицу. Не в столицы отсюда, а только к Нему, к Богу...

Федора Ивановича питал и грел безграничный, мигающий миражной стеной, родной простор; умиляющая своей таинственностью тишина степи; опьяняющий своею приторностью утренний привкус степного разнотравья...

Бывают такие дни, когда степь достигает особенной своей красоты; когда даже само солнце, глядя на нее, ей нежно улыбается; когда и человек, и зверь и птица, — все готово пасть передь ней, перед степью, затаившись в сладком таинственном волшебстве ее неземного величия; когда даже разостланное по земле низко-рослое разнотравье, обыкновенно мало заметное среди играющего зеленого моря, и то, навострив свои упругие тоненькие стебельки, так и тянется к небу, нежно кланяясь тебе своими разноцветными головками, так и просится само на твои полные восторга налитые жизнью глаза...

Бывают такие дни...

В один из таких дней Федор Иванович и приехал на „чеканиху“, чтобы почистить колодец — приготовиться к началу полевых работ. Колодец, у которого Федор Иванович думал обосноваться током. Бродящие со своими отарами чебаны не считались с этой степной драгоценностью, не удерживались, чтобы каждую весну не сбросить в него две-три предварительно ободранных овцы. Хозяину лукавые заявят, что овца пропала, а овчинкою попользуются. Знал Федор Иванович об этой слабости чебанов, потому и явился заблаговременно на „чеканиху“, взяв с собой работника и сына — Казьму — с женой (последняя, собственно, ввязалась случайно — поохотилась за „катранами“ да за „лазоревыми цветками“).

Сам Федор Иванович решил таскать „цебер“. Казьму оставил при себе, а работника спустил в колодец — чистить. Как только спущенный Федором Ивановичем цебер коснулся дна колодца и взволновал воду, так работник и опустил сейчас же руки. Вместо того, чтоб нагружать илом цебер, он стал зачем-то судорожно царапать ногтями о деревянный изруб колодца. Попробовал было Федор Иванович потянуть „цебер“ наверх — пустой.

— Что, хохол, воды, чтоль, испужался? — возмутился Федор Ив. — Нагребай. Чего возишься?

— Неможно, хозяин. Душно...

— Вот хохлацкая морда. Не успел стать на дно, как ему уже — душно. Нагребай жа. В колодце молчание...

— Павло? Оглох, что ль?

Ни звука... Попробовал Федор Иванович снова „цебер“ — как был, так и есть — пустой...

— Павло?! — закричал на работника Федор Иванович уже не сердито, а как то боязно. Павло и на этот раз не отозвался,..

— Казьма! Садись в цебер! — приказал Федор Иванович сыну, почувствовав что-то неладное с Павлом, и выхватил цебер из колодца. — Посади в него Павла, а я его вытащу наверх. Видно взаправду парен испужался, раз молчит...

Достигнув дна, Казьма стал теребить склонившагося к ирубу работника. Еще больше взбудоражил воду. И когда посадил его в „цебер", взял бичеву, чтобы привязать ею уже посиневшего Павла, пальцы его, онемев, опустились, голова налилась тяжелым свинцом, и Казьма повалился с ног в вонючий ил вместе с работником...

— Тянуть? — окликнул сына Федор Иванович. И, не дождавшись ответа, потянул — опять пустой цебер...

— Казьма! Казьма! — закричал в отчаянии на всю степь Федор Ив. Но Казьма и тут не услыхал отца...

Задрожал от страха Федор Иванович, сразу сознав весь ужас совершившегося и, наскоро намотав на изруб конец бичевы, опрометью пустился по бичеве вниз, в колодец. Подбежавшей к колодцу невестке приказал смотреть, чтоб бичева как-нибудь не размоталась. Думал привязать сына и работника, вылезть по бичеве наверх и потом вытащить их. Привязал и стал подниматься наверх. От тяжести дрожал и трещал изруб, и невестка не знала, как и чем его укрепить. Поднялся Федор Иванович уже до половины. Перебрал бы еще какой десяток раз руками и был бы наверху... Был бы... Если бы не случилось такое несчастье... Лопнула бичева, и вслед раздался глухой и тяжелый плеск воды...

— Папаша! — закричала в колодець невестка сбробив туда бичеву, размотав ее наскоро насколько было можно от изруба. — Лезь жа!..

— Не достает...

— Что жа тогда делать? — завопила в отчаянии невестка,

— Поминайте, — было последнее слово на земле Федора Ивановича...

Напрасно было все отчаяние метавшейся у колодца невестки. Из колодца уже не вылетело больше ни одного слова...

Испуганные раздирающим душу невесткины криком беспечные кони, перестав хрупать зеленый вкусный солонец и, чутко навострив уши, подняли головы и с боязным любопытством смотрели на тихий колодец и бьющуюся у него в истерическом бессилии невестку...

Низко склонилось к земле степное разнотравье. Плакала и молилась о родной душе опечаленная степь.

... К Богу возносилась степная душа. От Степи на Небо... Как верила...

Павел Поляков. *(Белград).*

КОРОЛЕВИЧ МАРКО ПАШЕТ ДОРОГИ.

Из цикла песен о Королевиче Марко.

Перевод с сербского.

Пьет вино наш Марко королевич
Со старушкой матерью своею...
А когда вино они попили,
Мать ему вела такие речи:
„Ох, сыночек, Марко королевич,
Брось свои кровавые походы —
Зло добра вовеки не приносит
Да и мне, старухе, надоело
Отмывать кровавую одежду...
Ты возьми-ка волов да орало
Да вспаши-ка горы и долины
Да посей ты яровой пшеницы —
Прокорми себя и мать-старуху."
Марко мать не медлючи послушал:
Он волов запряг в свое орало,
Но не пашет горы и долины —
Пашет он султановы дороги.
Глядь — ан едут турки-янычары
И везут насметное богатство.
И кричат: „Эй, Марко королевич,
Брось, опомнись, не паши дороги!"
— Гей, вы, турки, не топчите пашню!
— Эй ты, Марко, не паши дороги!
— Гей вы, турки, не топчите пашню.
— Эй, ты, Марко, не паши дороги!..
Это Марку скоро надоело —
Поднимал он волов и орало,
Перебил он ими янычаров
И забрал несметное богатство, —
Все отнес он матери-старухе:
— Для тебя я выпахал сегодня...

Людмила Костина. *(Белград).*

В ВАГОНЕ.

Мутная ночь в полутемном вагоне,
Мутная ночь за высоким окном...
Душно!.. Колеса стучат монотонно,
Думы свиваются черным клубком...
Вянут цветы на усталых коленях,
Слабо трепещут в предсмертной тоске,
Гибнут о прошлом последние тени,
Тают в неясной расплывчивой мгле...
Дальше!.. Томит еще горечь развязки...
Дальше, по́д гомон бегущих колес...
Может быть где нибудь новые ласки
Высушат капли непрошенных слез...

Оксана Печеніг. *(Болгарія).*

***

Знов стеляться сріблястії тумани,
Немов що-рік ховають білі кості...
І в мене знов ті ж самі гості —
Студений сум лягає в мою постіль.
Вітаний будь, мій суджений, мій жданий!
Згаси жалі в німій і терпкій млости:
В туманах десь холонуть рідні кості
І сина помсти ждуть від нас, мій друже-гостю...

Казаки и казачий вопрос.

Печатая настоящую статью, мы предлагаем всем вольным казакам (кто это, конечно, может сделать) перевести ее на язык той страны, в которой они живут, и попробовать поместить ее в газетах или журналах своего города или страны — для освещения и пропаганды казачьего вопроса среди других народов.

Редакция.

Казаки — четвертый член из числа четырех славянских народов, входивших в состав старой Российской Империи (Великороссы, Украинцы, Белоруссы и Казаки).

Казаки, двести лет тому назад потерявшие свою государственную самостоятельность, ныне опять вступают на путь своего национального возрождения, на путь борьбы за свое освобождение, за обновление своей политической свободы и государственной самостоятельности.

Казаки твердо и определенно поставили свой вопрос и решили добиться благоприятного для себя его решения.

Страдая под невыносимым советским оккупационным игом Красной Москвы там, терпя всевозможные нравственные и материальные лишения в эмиграции здесь, мы, Казаки, не хотим никого другого звать идти бороться за нас, за наше дело, а самим сидеть и ничего не делать. — За свое освобождение, за свою свободу, за свое будущее мы боремся и будем бороться прежде всего сами и рядом с теми своими естественными союзниками, которые, так же как и мы, борятся за свое освобождение от гнета красного империализма.

Но мы нуждаемся в некоторой помощи и тех народов, которые имеют счастье жить своей самостоятельной государственной жизнью.

Если мы, Казаки, позволяем себе ставить этот вопрос именно так, то не потому только, что помощь нужна нам, но и потому еще, что полагаем, что для многих народов не безразлично, чем и как кончится происходящая сейчас на территории СССР борьба за национально-государственное освобождение порабощенных им народов.

Тем не менее, не с легким сердцем мы этой помощи ищем, не хотим ее и много, а если на что и надеемся, то, опять таки, не столько из рассчета на чувства симпатии к себе, но и в глубоком убеждении, что существование активно империалистического СССР с его мессианизмом о перестройке мира по новому московскому образцу и его господство над многими народами не приносят блага теперь и не сулят его в будущем и многим другим народам, непосредственно не входящим в него, а иногда даже стремящимся отгородиться от него двойной китайской стеной.

Какая же нужна нам помощь?

— Прежде всего моральная.

Мир знает казаков очень мало. Да и то, что знает, часто не отвечает правде, ибо знает из других или третьих рук, в задачи которых не всегда входит говорить о казаках правду. Ныне мы говорим сами о себе и за себя.

Мы не будем говорить о своей постоянной борьбе в защиту своей свободы в прошлом; не будем говорить о нечеловеческих испытаниях нашего населения под советской оккупацией или о своих безмерных страданиях в эмиграции в настоящем, — мы не хотим никого утруждать своими болями, но мы хотели бы сказать другим народам о своей исторической судьбе и о своих стремлениях — о своей борьбе за свободу, о своем желании жить так, как живут и другие народы: мы хотим сами распоряжаться своей исторической судьбой — своим настоящим и будущим... И мы хотим быть услышанными. Услышанными и правильно понятыми.

— Казаки происходят от тех славянских племен, которые во времена, когда создавалась Русь Киевская на Днепре, а позже Московское государство на лесном севере восточной Европейской равнины, жили на степных просторах между Волгой и Доном и по берегам Азовского и Черного морей.

Расположенные на „большой дороге“ из Азии в Европу, по которой прошло много больших и малых народов — главным образом с Востока на Запад, — Приазовские славяне (степные славяне) впитали в себя достаточно тюркской крови.

Казаки и ведут свое начало от тех степных славянских племен, разбавленных тюркской кровью старых народов Средней Азии.

Постоянные удары азиатских народов (тюркских и монгольских) значительно задержали процесс огосударствления наших предков. Все же в продолжение XIV и XV столетий сложились казачьи республики на Дону и Днепре, существовавшие и течении XV, XVI и XVII столетий самостоятельно.

В конце XVII ст. границы Московского государства придвинулись к казачьим рубежам и началась постепенная экспансия Московских, а позже Петербургских царей в сторону Казачьих Земель. Тяжелый удар нанес Казачеству Петр I в 1708 году разгромом Дона. С этого времени казаки теряют свою государственную самостоятельность.

В 1775 году Екатерина II разгромила республику Запорожских казаков, переселившихся впоследствии на Кубань.

Тем не менее, Казаки, потеряв свою самостоятельность и войдя в состав Российской Империи, не сразу потеряли и не все свои автономные права. В течение почти двухсот лет шел процесс ликвидации автономных политическо-государственных прав Казачьих Земель и столько же времени казаки сопротивлялись этой политике русской власти.

Еще к началу революции 1917 года Казаки сохранили остатки своих автономных прав и не слились с населением остальной части Империи.

Вот почему, когда наступил 1917 год, Казаки немедленно же развернули остатки своей автономии до государственной самостоятельности, легко установили у себя государственный строй, опиравшийся на волю населения своих Краев, а с захватом в России государственной власти большевиками, об'явили о своем полном отделении от Сов. России и о государственной самостоятельности.

В течении 1917 и 1918 годов фактически и юридически образовались республики Донская, Кубанская и Терская. Аналогичный процесс происходил фактически на Урале (Яике), у казаков Оренбургских и Астраханских, равно как и у казаков Сибирских.

Но оказалось, что по отношению к нам, политика русской революционной советской власти оказалась хуже политики старой царской власти.

Большевики пошли войной на казачьи республики. К несчастью нашему, казачье дело осложнилось весьма существенным образом — с одной стороны — вмешательством в казачью политику вождей русского „белого дела" генералов Деникина и Врангеля, а с другой — некоторыми Великими Державами, не пожелавшими признать казачьих стремлений, а делавших все для подчинения казачьих вооруженных сил интересам русской контр-революци.

Получилось, что в то время, как русский народ в своей массе поддержал советскую власть, Казаки помимо своей воли очутились один на один против всей Советской России. Поражение было неизбежным и оно наступило.

Этот крах оставил у казаков не только чувства горечи в адрес тех, кто помог его поражению, но он наглядно показал многим руссофилам и среди казаков, что только самостийные стремления приведут Страну Казаков к благу.

Ныне наша страна находится под большевицкой оккупацией. Страшен режим Красной Москвы в наших Землях. Беспощадна советская власть ко всем своим противникам. Несмотря на это, казачье национальное чувство пробуждается и растет. И не победят его уже никакие репрессии...

Непрекращающийся террор оккупационных властей там и та двойная китайская стена, которую воздвигли московские правители между своим царством и всем остальным миром, поставили перед нами, казачьей эмиграцией, ответственную задачу и возложили на нас священный долг поднять свой голос перед всем цивилизованным светом в защиту своей Земли и своего Народа. Мы, казачья эмиграция, не разорвавшая связи со своим народом и его затаенными думами и надеждами, продолжая начатую Казаками в 1918 году борьбу за Освобождение, приняли на себя обязанность быть выразителями казачьих стремлений перед внешним миром.

А если у этого мира есть хоть немного сердца или если он не хочет быть с'еденным в конце концов большевиками, то добиться и понимания и помощи. Прежде же всего мы бы хотели, чтобы мир узнал о казаках от самих казаков.

Мало кто знает, например, что великие лозунги Французской революции конца XVIII века — свобода, равенство и братство — задолго до того уже осуществлялись казаками, служа основными принципами, на которых была построена жизнь в Казачьих республиках.

В наше время, после падения русского царизма, Казаки восстановили свои республики и в основу их положили те же принципы. Но самые непримиримые враги свободы и „сентиментальных" „буржуазных предрассудков" — русские большевики — снова раздавили казачью Свободу.

Все же воля казачья не сломлена и голос казачий не утих. Придушенный там, он раздается ныне устами казачьей эмиграции, взявшей на себя обязанность об'явить во всеуслышание казачью программу.

Сказать миру о подлинных стремлениях Казаков к освобождению и к государственной самостоятельности и вести борьбу за осуществление казачьей программы взяла на себя казачья эмиграция, группирующаяся в движении „Вольное Казачество", органом пропаганды которого служит издающийся в Праге двухнедельный журнал „Вольное Казачество — Вільне Козацтво".

Какова же Казачья Программа — программа ВК?

— Программа ВК — программа казаков самостийников-сепаратистов очень ясна:

Освобождение территории и населения всех земель Европейского Казачества — Донской, Кубанской, Терской, Астраханской, Уральской (Яицкой), Оренбургской и Калмыцкой — из под власти СССР и РСФСР и образование из них особого самостоятельного и независимого казачьего государства — Казакии.

Программа эта не нова. На протяжении 1917—1920 годов вопрос об образовании казачьего союзного государства ставился казаками четыре раза, но каждый раз чуждые казакам внешние силы мешали его осуществлению.

Что представляло бы из себя новое об'единенное казачье государство — Казакия?

Территория шести Войск Европейского Казачества и Калмыцкой Области равняется 870.000 кв. килом. Численность населения, живущего на этой территории равна 11,000.000.

Не можем утруждать читателей в столь краткой статье подробностями исторического, географического или экономического характера, отсылая интересующихся к специальным исследованиям и публикациям. Здесь же можем только подчеркнуть, что наряду с волей казаков к самостоятельности, данные исторические, географические и экономические являются серьезными аргументами в их руках в деле защиты своей программы и создания своего государства.

— Таковы наши казачьи стремления.

Выступая с ними перед внешним миром, мы еще раз выражаем уверенность в том, что казачья программа на этот раз найдет у других народов правдивое понимание и встретит искренние симпатии друзей цивилизации, права, справедливости, порядка, свободы и прогресса к казачьему делу, противопоставляемому нами — прежде всего ради спасения нашего народа и его исторического будущего — всеразрушающей заразе большевицкой Советской России. Мы хотели бы верить, что в грядущий период борьбы за освобождение казаки встретят не только понимание, но и лучшее к себе отношение и помощь других народов.

К тем же народам, которые считают, что историческая судьба Казаков для них безразлична и, следовательно, на непосредственную помощь которых мы рассчитывать не можем, — и к тем мы все же обращаемся с просьбой: не помогайте нашим врагам, не помогайте нашим угнетателям — они и ваши враги, они и вас угнетали бы, если бы когда нибудь вас победили...

А. Ленивов.

Яицкие казаки.

(Исторический очерк).

Яик ты наш Горыныч,
Золотое твое донышко,
Серебряная твоя покрышка...
(Старинная песня яицких казаков).

„В которое время царь Иван стоял под Казанью и по его Государеву указу, Атаманы и казаки выходили с Дону, и с Волги, и с Яика"... — выдержка из отписки Донского Войска от 26 мая 1632 г. — На Москву, согласно коей видно, что при взятии Казани (1552) участвовали на стороне Ивана IV и Яицкие казаки. Несмотря на это обстоятельство, точная дата образования Яицкого Войска до сих пор доподленно не установлена, если не считать того, что на основании работ российских ученых, российская власть положила считать 1591 год — официальным началом Яицкого Войска, т.е. именно тот момент, когда Москва впервые использовала Яицких казаков в качестве отличной боевой силы, послав их против полчищ татарского шамхала на Сев. Кавказе.

Категорически утверждая о том, что Яицкие казаки существовали еще до взятия Казани (1552 г.), мы в доказательство сего положения, приводим следующее. Согласно историческим данным, точно известно, что еще в 1557 году Ногайский князь послал жалобу Московскому царю, где указывал, что на гор. Сарайчик, расположенный при устьи р. Яика, напали казаки и разорили его. В последнем обстоятельстве быть может и скрывается истина о времени возникновения Яицкого Войска... Допуская мысль о том, что гор. Сарайчик в 1557 г. был разорен не Яицкими казаками, а Поволжской казачьей вольницей, отмечаем, что в древней былине о Ермаке говорится о том, что Круг, составленный из Донских, Волжских, Гребенских и Яицких казаков, принявший решение „идти завоевывать Сибирь и избравший своим вождем, Атамана Ермака Тимофеевича, имел место на Волге в 1577 году!..

И если приводимые доказательства подлежат сомнению, то участие Яицких казаков в осаде и взятии Казани в 1552 г., разрушает „фантазию" российских историков об образовании Яицкого Войска в 1591 г.!.. С горечью в сердце приходится констатировать, что минувшая эпоха принадлежности Казачества к Российскому государству не принесла казачеству знания своей истории ни в деталях, ни в целом.

В XVI-XVII в. в. Яицкое Войско представляло из себя демократическую республику, абсолютно независимую от Московского государства, причем Яицкое Войско управлялось на основе народного волеизъявления через Войсковой Круг и выборного Войскового Атамана.

Территорию Яицкого Казачества определить в полной степени является делом довольно трудным, ибо к нашему времени не сохранилось подобающих исторических документов, однако вполне логично полагать, что в XVI-XVII в. в. Яицкое Войско занимало бассейн нижней и средней части р. Яика, а также и р. Рубежной. Уже в конце XVI в. был возведен казачий городок Яик (Яицкий городок), располагавшийся при слиянии р. Рубежной с р. Яиком.

Яицкое Войско основано Донскими казаками, выходцами с Дона, причем пополнение рядов Яицкого Казачества шло за счет Дона непрерывно до половины XVII в. Уже в период 1579-1581 г. г. появился на Яике Атаман Андрей Нечай, который, пробыв на Волге известный промежуток времени и спасаясь от преследования московских войск воеводы Мурашкина, ушел со своей ватагой Донских казаков в Яицкие степи. Немногим позднее появились на Яике и Донские казаки под водительством Атамана Гугни, ставшем вместе со своей женой „бабкой Гугнихой" легендарным пережитком исторического прошлого Яицкого Войска. Укажем, что по правому берегу р. Дона, стоит станица Баклановская, называвшаяся раннее ст. Гугнинской, которая возведена на месте ставки Атамана Гугни, который еще в 80-х годах XVI ст. ушел с Дона „погулять" на р. Яик. Да, воспомнят современные Яицкие (Уральские) казаки о своих достославных предках, когда при испитии чарки вина, они произносят свой традиционный тост „за здоровье бабки Гугнихи".

Отношение Яицких казаков к Донскому Войску определялося на основах полной солидарности, связанной с признанием авторитета Донского Войска в отношении Яицких казаков. И когда в 80-х годах XVII ст. Московское государство обратилось к Донскому Войску с целью воздействовать на Яицких казаков, которые перебили московских рыбаков у гор. Саратова на Волге; то Донские казаки отписали Московскому царю, „Яицкие казаки издавна Донскому Войску в послушании и обо всяких делах от себя присылку имеют, и больших дел без их права у себя не вершают, а присылают к нам на Дон". Следует помнить, что в первый период своей истории, казаки Яицкого Войска назывались „Донско-Яицкими казаками" и созывались на Круг следующим образом „Послушайте, Атаманы-молодцы, все Донско-Яицкое Войско. Не пейте зелена вина, ни купленого, ни дарового — заутра Круг будет".

С концом XVI века Яицкое Войско весьма пополнившись за счет непрекращавшегося притока Донских казаков, а отчасти и новгородцев, начинает вести вооруженную борьбу со степными кочевниками. Так в 1605 году 500 Яицких казаков ходили походом на Хивинское ханство, причем назад вернулось тишь 3-4 казака, остальные же погибли в неравной борьбе...

В дни Смутного времени, Яицкие казаки в корне отвергнув устремление царя Бориса Годунова, стремившегося низвести казачьи независимые государственные образования Дона, Волги, Запорожья и Яика, — на положение казачьего „служилого" сословия, стали в резкую оппозицию Московскому государству. Каково было действительное отношение Московской власти к Вольному Казачеству, предлагаем судить по выдержке из официальной грамоты от 17 августа 1610 года, в которой говорится: „На Волге, на Дону, на Яике и на Тереке, казаки будет надобе, или ненадобе, о том Го-

сударю Королевичу говорити з бояры и з думными людьми, как будет на государстве". Когда на Яике появились Иван Заруцкий, Марина Мнишек и ее сын — „воренок", Земский Собор, собравшийся в Москве, послал грамоту Донскому Войску, прося последнее как нибудь воздействовать на Яицких казаков: „И Вы к своим братьям, к Атаманам и казакам... Яицким отпишите, чтобы побоялись Бога". В 1614 году московские войска, посланные на Яик, захватили в плен Ивана Заруцкого, Марину Мнишек и „воренка" причем одновременно с ними был повешен московскими воеводамп и Яицкий Атаман Баловень!..

Повешением выборного Атамана началась колонизаторская политика Москвы на Яике, причем уже в 1618 году московские воеводы выстроили крепость при устьи р. Яика, на месте выжженного татарами Яицкого городка; последний же был перенесен на место нынешнего гор. Уральска. Заняв московскими войсками вновь выстроенную крепость в устьи р. Яика, обезпечив за собой господствующее тактическое положение, в военном отношении, царь Михаил Романов „пожаловал" Яицким казакам реку Яик со всеми притоками! Не является ли злой насмешкой этот акт „милости" московского царя от 1619 года, и это тем более, ибо Яицкому Войску было подарено то, чем они задолго перед тем владели по праву первого захвата и „праву оружия".

Яицкие казаки не поверили, однако, посулам и обещаниям Московской верховной власти и, несмотря на явные заигрывания Москвы, не пожелали поступиться своей вольностью, своими правами... И нередко ставало так, что Яицкие казаки разбивали царские „орленые" суда на Волге, а то попросту, пренебрегая всякими дипломатическими рассчетами, спускались на лодках в Каспийское море и „добычили" за счет персидских торговых караванов. Напрасно писало тогда Донское Войско по настоянию Москвы „Великому и славному рыцарскому Яицкому Войску"... Ничто не помогало!.. Лишь много лет спустя, именно в 1655 году посредством обласканного Яицкого Атамана Белоуса, Москва привлекла Яицких казаков на службу под гор. Ригу, каковое обстоятельство и имело своим следствием относительное „замирение" на Яике.

В 1670 году побывал на Яике и славный Атаман Степан Разин, коему и было выявлено со стороны Яицких казаков весьма благожелательное отношение, ибо казаки отлично поняли, что в лице Степана Разина они имеют могучего поборника за казачье право и вольность. „Переписки казакам на Дону и на Яике, и нигде по их козацким правом не повелось", говорил Степан Разин в Кругу Яицких казаков... В наглядности и справедливости Разиновской программы и лозунгов, Яицкие казаки лишний раз убедились, когда принесли вынужденную присягу (1676 г.) Московскому царю Федору Алексеевичу, а взамен получили целый ряд ограничений и стеснительных мероприятий со стороны Москвы.

Считаем весьма важным обратить внимание современных Яицких (Уральских) казаков на некоторые из этих ограничений: „переход Яицкого Войска в ведение Посольского приказа в Москве, запрещение принимать на Яике религиозно-политических беглецов из Московской Руси, обязательная военная служба для Яицких казаков (охрана границ) участие в войнах и походах".

Не взирая на то, что с формальной точки зрения, Яицкое Войско стало подлежать ведению Московского Посольского приказа, Москва не всегда считала для себя удобным и приемлемым сноситься с Яицкими казаками, предпочитая в „некоторых" случаях воздействовать на последних через Донское Войско. Известен например факт посылки Донским Атаманом Фролом Минаевым выборных посыльщиков по просьбе Москвы „на Яик к Яицким казакам". Не иначе обстояло дело и с запретом о приеме и укрывательстве на Яике политических и религиозных беглецов из Московской Руси. И если в 1683 году Донской Атаман Фрол Минаев заверял Москву в том, что „Скалозуб, ходя на низ, на Волге, без пристанища, пропадет скоро, потому что его на Яик и в другие места никуда не пустят", то уже в следующем 1684 году, Яицкие казаки попросту укрыли у себя на Яике двух беглых стрельцов „Оба Ивашки, а прозвищем Тига да Гога", кои и не были выданы с Яика московскому правосудию в руки, но за то, московский под'ячий, который привез на Яик царский указ о выдаче беглых стрельцов, был посажен Яицкими казаками на кол!

Вынужденная присяга царю Федору Алексеевичу отнюдь не убила духа вольного казачества, каким испокон веку было Яицкое Войско; пребывая известный период времени в форме потенциального напряжения, Яицкие казаки, стремясь отстоять от Москвы права вольного казачьего бытия, ответили Российской империи — „пугачевщиной".

В 1677-78 г. г. Яицкие казаки участвовали в походе на Чигирин, в 1696 г. в осаде крепости Азова, в 1701-1709 г. г. в войнах со шведами, в 1711 г. в походах против Кубанских татар, в 1717 г. в походе на Индию через Хиву...

3-его марта 1721 года, Петр I указал „Яицким казакам во всех управлениях быть в ведении в Военной Коллегии" и дабы окончательно подчинить себе Яицкое Казачество, он (Петр I) назначил Войскового Атамана и определил Яицкому Войску жалованье в размере 1500 рублей в год на все Войско и по осьмине хлеба на каждого казака. Почти одновременно была произведена перепись в Яицком Войске, согласно коей наличный состав Войска выразился цифрой в 3200 казаков. Явно обозначившаяся тенденция со стороны Российской власти прибрать казаков к рукам, вызвало резкое противодействие со стороны последних... В 1721 году казаки сожгли до тла Яицкий городок и устремились идти всем Яицким Войском „на реку Дарью" (прим. автора — „на реку Аму-Дарью").

„Живи казак, пока Москва не узнала" — обычная поговорка Яицких казаков повелась именно с Петровских времен... Много усилий стоило Московской власти удержать возмущенных Яицких казаков от ухода в киргизские степи. Несколько позднее окончилась полнейшим фиаско неудачная попытка уничтожения выборного начала на Яике, произведенная Москвой в 1740 году.

На Яике, как и на Дону, существовало деление на две партии — „старшинскую" (московскую) и „войсковую" (самостийную). К первой партии принадлежала почти вся старшина Войска, стремившаяся ради соблюдения личных своих выгод и интересов, превратить государственную организацию Войска в военно-хозяйственную общину служилого Казачества. „Войсковая" (самостийная) партия, комплектуясь за счет рядовых казаков, являлась защитницей казачьей вольности и права, стремясь оградиться от Москвы в религиозно-политическом отношении. Московские верхи, приглядываясь с интересом к событиям, развивавшимся на Яике, в конце концов решили вмешаться надлежашим образом во внутренние дела Яицкого Войка. Сообразно принятому решению, в 1763 году был из Петербурга послан подполковник Потапов, которому и было вменено верховной властью произвести на Яике строгое следствие по поводу действий „войсковой" (самостийной) партии. Потапов, прибыв на Яик, разобрал „необходимым образом" дело, причем сместил выборного Войскового Атамана, избранного всем Яицким Войском и „назначил" своей волей премьер-маеора драгунского полка Романа Новокрещенного — новым Войсковым Атаманом Яицких казаков!.. Исконнее казачье право было попрано носком российского драгунского сапога...

Прошел еще один год и на Яике разыгрались события исключительной важности и значения... Генерал-маеор Черепов, прибывший с отрядом русских солдат на территорию Яицкого Войска для расследования инциндентов, имевших место между „старшинской" и „войсковой" партиями после от'езда Потапова,*) окружил драгунским полком собравшийся Войсковой Круг

*) Потапов за свои „подвиги" в отношении Яицких казаков, получил от Российской верховной власти — высокое назначение — должность обер-коменданта Казани, которому были подведомственны Яицкие казаки.

Яицкого Войска и р а с с т р е л я л его в спину из артиллерийских орудий!!!

Вмешательство Москвы во внутренние дела, нарушение казачьего права, узурпирование вольности, стеснение обычаев, обременительные налоги, гонение на Войсковое духовенство, ограничение роли Войскового Круга, отмена выборного начала, смещение выборного Войскового Атамана и, наконец, расстрел Войскового Круга у Войсковой Избы подготовили почву для открытого вооруженного выступления Яицкого Войска против России. Чаша казачьего терпения лопнула.

Первая ласточка готовящегося восстания определилась в 1771 году, когда Яицкие казаки целиком уничтожили сильный русский отряд, убив при этом ген. маера Траубенберга (нач. отряда) и забрав много орудий...

Екатерина II, видя, что Яицкое Войско вооруженной борьбой восстановило выборное начало (Войсковой Круг и Атаман), послала свои войска на Яик, именно в 1772 году, для примерного наказания „бунтовщиков", что и было проведено с подобающей жестокостью; много казаков было отдано в „рекрутчину", еще большая часть отправлена была в Сибирь — в ссылку!..

Забурлило, заволновалось Яицкое Казачество и ответило Российской империи пугачевщиной. „Нам какое дело, государь он или нет, мы из грязи сумеем сделать князя. Если он не завладеет Московским царством, так мы на Яике сделаем свое царство... Мы вздумали взять его под свое защищение и сделать над собой властелином и возобновителем своих притесненных и упадших обрядов и обычаев, которые давно стараются переменить у нас... Для сих причин вздумали мы принять его покойным государем Петром Федоровичем, дабы он восстановил прежние наши обряды, а бояр, которые больше всего в сем деле умничают, всех истребить, надеясь на то, что сие наше предприятие будет подкреплено и сила наша умножится от черни, которая тоже вся притеснена и в конец разорена", — так определяли свое участие Яицкие казаки в движении 1773-1774 г., во главе коего стоял хорунжий Емельян Пугачев, казак ст. Зимовейской, Донского Войска.

С началом „Пугачевщины", в Яицком Войске был восстановлен Войсковой Круг, а равно вообще выборное начало и всякое древнее казачье обыкновение.

„Пугачевщина" в конечном итоге потерпела фиаско, главные причины коего, по нашему разумению, суть следующие. 1. За Пугачевым пошли Яицкое и Волжское казачьи Войска, остальные же, ближайшие казачьи Войска или пребывали в большей части своего мужского состава в тот момент в войнах против турок, или же воздержались от действительной поддержки Пугачева, ибо последний для них не мог являться в полной степени казачьим вождем в силу своего самозванства; 2. начав движение на Яике в казачьей среде, Пугачев должен был искать и дальнейшие рессурсы в казачьей среде, т. е, идти на Дон в поисках поддержки Донского Казачества, но никак не вверх по Волге на Москву... в этом и заключаются главнейшие две ошибки Пугачева, а совместно с ним и Яицких казаков. Российское правительство в полной степени использовало эти промахи для того, чтобы добиться победы...

С подавлением „Пугачевщины", Екатерина II ввела Яицкое Войско в подчинение генерал-губернатору Оренбургской губернии, определив о судьбах Яицкого Казачества через особо изданный манифест „Для совершенного забвения сего (т. е. „Пугачевщины") на Яике последовавшего несчастного происшествия, реку Яик, на которой, как оное Войско, так и город его свое название данные имели переименовать Уралом, а потому оное Войско именовать Уральским, и впредь Яицким не называться, равно и Яицкому городу называться ныне Уральск". Таким образом, считая от момента издания сего манифеста Екатерины II (от 15 января 1774 г.), Яицкие казаки были насильственным путем зачислены в состав российских иррегулярных войск, а в июле того же года и попросту подчинены князю Потемкину, назначенному начальником всей легкой кавалерии и казачьих иррегулярных войск.

Яицкое Войско прошло все этапы насильственной руссификации от момента первого появления московских воевод на Яике, видело и уничтожение выборного начала, разгон Войскового Круга, отрешение Войсковых Атаманов, непосильное обременение податями, повешение народных избранников (Яицкий Войсковой Атаман), расстрел из орудий Войскового Круга, переименование старинных названий (Яик на Урал) и т. д., пока наконец в Яицком городке, столице Яицкого Войска, не был посажен российский обер-комендант, который и стал управлять Яицкими казаками!..

Проводя подобные репрессалии в отношении Яицкого Казачества, Российское правительство всегда знало о том, чем и как постоят за себя и свои права — Яицкие казаки, отродясь вольные люди!

Полной глубокой прозорливости кажутся слова: „... Казак еще вживе помнит, где казачья кровь поила сухую землю и где падали на нее слезы казачьих матерей, сестер и жен. И он страстно любит свою степь с этими красными пятнами вязели, с тихими извилистыми речками, ериками, озерами, всю наполненную еще не переболевшими воспоминаниями о кровавой борьбе на два фронта — киргиз и Азия с одной стороны, с с другой — нивелирующий Петербург с его ненавистным фрунтовым строем"... писанные известным русским писателем В. Г, Короленко, побывавшим в среде Уральских казаков и написавшим ценную книгу, озаглавленную „У казаков". Не забывая о том, что Короленко писал эти слова всего несколько десятков лет тому назад, можно вполне в реальной форме представлять те господствующие настроения, которые полонили умы Яицких казаков непосредственно за подавлением „Пугачевщины".

Учтя подобный момент, российское правительство увидело, что в отношении Яицких казаков слишком „перетянуло вожжи", каковое обстоятельство в недалеком будущем может грозить весьма чреватыми последствиями. Перейдя к системе задабривания, Петербург выслал на Яик следственную комиссию во главе с капитаном-поручиком Мавриным, для выяснения причин восстания Яицкого Войска в дни Пугачева. История донесла до наших дней память о том, что Маврин оказался не только отличным дипломатом, но еще и неожиданным защитником попранных казачьих прав и вольности в Яицком Войске. Маврин не только восстановил личным почином Войсковой Круг, но и настоял перед Петербургом об уничтожении российской комендатуры в Яицком городке (от 9 февраля 1775 г.), а равно и на том, чтобы во главе Войска были поставлены Войсковой Атаман и Войсковая Канцелярия.

Петербургский период истории... не стало Яицкого вольного казачьего Войска, заменило его Уральское служилое казачье Войско!!!

„Где кровь лилась, там вязель сплелась,
Где слезы пали, там озера стали".

— поют Уральские казаки, отдавая дань памяти старых времен...

Царским указом от 19 февраля 1796 года, Уральское казачье Войско было введено в подчинение Военной коллегии, а с уничтожением последней в 1812 году Уральские казаки стали находиться в зависимости от Военного министерства.

О эту пору Уральские казаки участвовали в ряде войн, именно в походе в Австрию (1798-1799 г. г.), в войне со шведами 1809 г., в войнах с Наполеоном 1812-13-14 г. г.

(Окончание следует).

• КАЖДЫЙ ВОЛЬНЫЙ КАЗАК ДОЛЖЕН ПОДПИСАТЬСЯ НА СВОИ ЖУРНАЛ! •

Чужинец.

М. Чайковский в Стамбуле.

Деятельность среди Некрасовцев в Мал. Азии и в Добрудже, среди черкесов и донских казаков, О. С. Гончаров и Мих. Свидзинский.

(Идея вольного казачества в XIX веке).

Глава польской аристократической, т. наз. „белой", эмиграции, претендент на польский престол, кн. Адам Чарторыйский послал в 1841 г. своим неофициальным послом в Константинополь Михаила Чайковского, виднейшего польского казакофила. Русская тайная полиция обратила внимание на этот факт. Автор официального обзора деятельности III-го Отделения за первые 25 лет его существования*) сообщает: „около 1839-го г. кн. Адам Чарторыйский пришел к мысли, что восстание южных славян, недовольных подчинением Турции и Австрии, отзовется в Польше. Поэтому он отправил Чайковского и других возбуждать их к восстанию"...

Идеи Чарторыйского были гораздо шире и глубже, чем думал историк русской полиции. Еще будучи другом Александра I-го, русским товарищем министра иностранных дел и фактическим руководителем русской политики в 1804—1807 г., Чарторыйский мечтал о славянской федерации.**) Теперь он не считал нужным ставить во главе федерации русского царя, а хотел использовать в интересах возрождения Польши национальные движения славянских народностей. Уже с 1832 года Чарторыйский был уверен, что на Востоке неизбежен взрыв, из коего возникнет война, а затем и независимость Польши.

Сперва Чарторыйский приставил Чайковского агентом к кн. Вассоевичу, мечтавшему захватить черногорский престол,***) а когда стало выясняться, что из Вассоевича ничего не выйдет, перевел его в Константинополь.

Чайковский изложил Чарторыйскому свою идею использования казачества в польских интересах. Он должен был войти в связь с казаками, эмигрировавшими из России в разные эпохи, с некрасовцами в Малой Азии и на Дунае, с остатками Запорожской (Дунайской) Сечи и со староверами; попытаться об'единить их в единое казачье войско под покровительством султана и использовать против России.

По словам Чайковского, „казачество, как представитель славянского рыцарства должно было послужить связью между северными и южными славянами". Поляки должны были „сплотить славян (болгар и др.) под казачье-турецким флагом". Большие надежды возлагались также на движение против России черкесов, украинцев и пограничных с Турцией народностей. В конечном итоге Чарторыйский ждал освобождения Польши и создания славянской федерации.*)

Свою работу на востоке Чайковский начал с об'езда казачьих поселений в Турции. Первых он навестил некрасовцев, живших в Брусском санджаке, в Анатолии, в округе Бандерма, на берегу озера Маниос (или по казачьи Майнос); главное селение их называлось Биневлé, т. е. тысяча домов, казаки же звали его Майнос. Здесь Чайковский узнал, что некрасовцы — донцы, а вовсе не украинские казаки, как он думал раньше. Но и здесь он сохранил довольно путанное представление об их первоначальной истории. Через 16 лет после личного знакомства с некрасовцами он все еще не подозревал, что „Игната Некрасова казацкое войско" — это потомки сподвижников Булавина, и в 1857 года писал о них*) следующее: казаки эти, родом с Дону, при Имп. Екатерине I-й (!) вышли со своей родины под начальством... Стеньки Разина (!!) из за религиозных преследований. После долгой борьбы в уральских (!) землях, над Волгой, с московскими войсками они вступили в службу хана Крымского на Кубани". Чайковский перепутал здесь целых три казачьи эмиграции, первую — части разинцев (1672 г.), вторую — раскольников и сепаратистов (1688 г.) и третью — булавинцев или некрасовцев (1708 г.).

Гораздо удовлетворительнее усвоил себе Чайковский историю некрасовцев с момента от'езда некрасовцев с Кубани, после взятия Анапы, на Дунай, ссоры их из за рыбных ловель на Дунае с запорожскими эмигрантами, переселение их с Кара-Кермена и Георгиевского гирла Дуная на устье р. Марицы, близ г. Энос на Мраморном море, на озере Сирджа Юмурджина. Временное занятие их поселений русским отрядом полк. Муханова в войну 1828--9 г. заставило некрасовцев выселиться в М. Азию, где в 1841 г. их видел Чайковский, а в 1920—1921-м году эвакуированные с Дону казаки.**)

Некрасовцы сохранили в неприкосновенности все старинные обряды эпохи Булавина, старую веру, старое управление и глубокую ненависть к Москве. Сперва Чайковский и сопровождавший его польский эмигрант Викентий Равский, взявший себе „казачий" псевдоним Сидора Сидоренки, были встречены недоверчиво, но потом Чайковскому удалось победить это недоверие. Оставляя в стороне его интереснейшее описание некрасовцев или, как их звали также „старо-кубанцев" в эту эпоху, приведем лишь некоторые наиболее любопытные разговоры его с казаками.

Чайковский спрашивал бывшего в 1828 г. походным атаманом некрасовцев Ив. Солтана, почему он и его казаки учиняли подлинные зверства в отношении донцов, которые попадали к ним в плен в русско-турецкую войну. — „Правда, — отвечал Солтан, — донцы и мы — люди одной породы, в нас течет одна и та же кровь. Их много, а нас мало. Если бы я угощал их сахаром, так и они угощали бы моих людей сахаром, и малое количество людей устремилось-бы к большему. Это случилось бы наверно! Поэтому мы остались верны заветам Игната Некрасова и не кончили так, как запорожцы Гладкого" (вернувшиеся в Россию в 1828 г.).

„Некрасовцы, — пояснил Солтан, — пили в Дону воду татарского лада, а запорожцы в Днестре воду польской неурядицы. Если бы нашего народа было также много, как и вас, мы бы горы сдвинули с места и перевернули бы мир по своему"...

По поводу польских дел Солтан заметил: „Если бы поляки так уважали Адама Чарторыйского, как некра-

---

*) (В. В. Сгасов) „Историч. записка о III-м Отделении Собств. Его Имп. Велич. Канцелярии за 25-летие (1826—1850)", Архив III-го Отд., неопубл.

**) Еще в 1804 г. Чарторыйский предлагал Александру I „разделить главную массу турецких земель на отдельные государства, управляемые согласно с местными условиями и связанные общей федерацией, над коей император всероссийский мог бы обезпечить себе решительное и законное влияние посредством звания императора или покровителя восточных славян"... Czartoryski „Mémoirs et correspondence"... Paris, 1887, t. II, p. 65—66. 23 мая 1807 г. Чарторыйский писал гр. П. А. Строганову, что наполеоновский проект частичного восстановления Польши, в конце концов, будет выгоден для России, ибо „федеративная система славянских наций это великая и единственная цель, к которой она (Россия) необходимо должна стремиться". В. кн Николай Михайлович „Гр. П. А. Строганов", т. II, с. 403.

***) Вассоевич оказался авантюристом.

*) Воспом. Чайковского „Русск. Стар." 1898 г., т. 94, с. 163 и 190; 1900 г., № 6, с. 691; № 10, с. 231; Handelsman „La gnestion d' Orieut et la polilique yougoslave du prince Czartoryski apres 1840. Paris, 1929, p. 5, 9.

*) Kilka słów o Kazakach Nekrasowcach в сборнике ст. „Kozaczyzna w Turcyi", Paryż, 1857, s. 79.

**) Очерки их жизни см. у Чайковского „Р. Стар." 1898, т. 94; у К. Леонтьева „Майносские староверы", „СПетерб. Ведомости" 1884 г. № 260—262; у Кельсиева (Иванов-Желудков) „Русское село в Малой Азии", „Русский Вестн. 1866, № 6.

совцы — Игната Некрасова, то был бы толк, — в таком случае и мы, и все казаки могли-бы, быть может, столковаться с вами, и если-бы мы принялись тащить воз общими силами и в одну и ту же сторону, пожалуй, мы и дотянули бы его куда следует".*)

О разговорах Чайковского с некрасовцами сообщал впоследствии Кельсиев: „Он толковал им о казачестве, о военной славе, о Доне и запорожье и старался возбудить в них мысль об образовании в Южной России казацких республик в союзе с Польшей".**)

Чайковскому удалось добиться, чтобы в кругу своем в Биневле (Майноскіос) некрасовцы приняли „формулу приязни и поддержки с поляками Ад. Чарторыйского". Успех был довольно поверхностный, но льстивший самолюбию некоронованного „короля" и его посла. Надо отметить, что некрасовцы, старые конспираторы, свои люди в Турции, оказали не мало услуг Чайковскому в его предприятиях за время его житья в Стамбуле.

Чайковский уверяет в своих записках, что „Наполеон был кумиром (некрасовских) казаков, они считали его человеком боговдохновенным, архангелом войны, пророком правды". Некрасовцы, будто-бы, говорили о Наполеоне: „Бог даровал ему силу уничтожить республику (во франции), а другому человеку предназначил поднять казачество". Таким человеком оказывался вел. кн. Константин Павлович, прибытия коего ожидали они, как Мессии. К сожалению, Чайковский не поясняет, как вел. кн. Константин мог попасть в Мессии — об'единители и освободители казачества, и как могли ждать его прибытия через 10 лет после его смерти.

Главная часть некрасовцев жила в Малой Азии, в Биневле и окрестных селениях, часть (весьма незначительная) осталась в с. Казак-киой близ Эноса, на Европейском берегу. Это были подлинные потомки булавинцев. Но помимо их, на Дунае несколько селений было населено тоже „некрасовцами", которые пользовались привилегиями „Игнат-казаков", хотя среди них было, собственно, мало потомков подлинных некрасовцев, оставшихся на Дунае, после ухода оттуда главного войска в Энос; главную же массу составляли раскольники, т. н. липоване, велико и мало-русского происхождения, разновременно приселившиеся к казакам и, после ухода некрасовцев воспользовавшиеся их именем и их привилегиями. Этих дунайских некрасовцев об'единяла не столько память о казачьей вольности, сколько ревность к старой вере, хотя внешне они соблюдали казачьи обычаи, управлялись кругами и выборными атаманами. Жили они в 1840-х гг. в Трупии, в Добрудже.***)

Чайковский и Равский отправились из Константинополя и к этим „некрасовцам", липованам и старообрядцам. Русский консул Кудрявцев доносил, что они, едучи в Добруджу, „лелеяли мысль образовать казачество и через султана осуществить идею панславизма. Приехав в Сарыкиой к Гончарову они говорили о казачестве, сгубленном Россией".*)

Кельсиев писал впоследствии об этой поездке Чайковского: „дикие и подозрительные некрасовцы (читай — раскольники. Ч.) в тупик стали от его посещения и перепугались на смерть. — их пугает каждый незнакомый человек, и каждое новое предложение; им все сдается, что против них кто-то интригует, ведет подкопы под них — словом они очень высоко о себе думают",— добавил Кельсиев. Для переговоров с Чайковским, испытать: „какого он духу человек", отрядили они Гончара".**)

Здесь мы впервые встречаемся с красочной фигурой Осипа Семеновича Гончарова, который писался иногда и Гончар. Прожиль он долгий век (1796—1879), всю жизнь заботясь главным образом о своих некрасовцах (дунайских, не малоазиатских), о старой вере и и о казачестве. Когда во время русско-турецкой войны 1811 года состоялся указ 25 июля, разрешавший желающим некрасовцам переселиться с правого берега Дуная на левый, в Бессарабию, (занятую русскими и за ними оставшуюся), с „вечным прощением" их вин пред Россией, то с группою некрасовцев попал в Россию и Гончаров. В 1828 г. старики старой и новой Некрасовки у Измаила встречали имп. Николая I. с хлебом-солью и Гончаров лично перевез императора через Дунай. Он всегда был избираем депутатом к русским властям и к самому царю в Питер.

Пребывание в России разочаровало его. Несмотря на личное благоволение имп. Николая, он пришел к убеждению что „Царь не есть царь-человек, но царская система, воплощенная в царе-человеке" (так передает его слова Чайковский). К тому же старообрядцев теснили в свободе вероисповедания, и Гончаров бежал в 1837-м году снова за Дунай, в Сары-киой. Здесь он снова стал ходатаем по некрасовским (дунайским) делам, уже в Царьграде, доходя до самого султана! Во время спора России с Турцией из-за Святых мест султан Меджид вызывал Гончарова для личного опроса и беседы. В своей автобиографии Гончаров записал: „Когда Россия вступила в Туречину в 1854 г., тогда Гончар в Царьград ушел, ибо было на него много кляуз России донесено". По сведениям III-го Отделения, „Гончаров с 1848 г. играл уже выдающуюся роль среди некрасовцев".*) По тем-же данным, „польские эмиссары старались сделать Гончарова атаманом казачества, которое предполагали организовать из задунайских раскольников".

Возможно, что Чайковский и намекал Гончарову о подобной возможности, но, вместе с тем, он был одним из немногих людей из дунайских некрасовцев, которые способны были понять и поняли широкие планы Чайковского относительно казачества. Дружба Гончарова с Чайковским, Равским (его Гончаров зовет „Рясков", Сидор Сидоров") и д' Алионом (банкир в Константинополе, чуть-ли не потомок того д' Алиона XVIII века, коему предлагали при Елизавете поднять казачество), дружба, как выражался Гончаров, с этими „благодетельными панами", завязалась с первой-же их встречи. И с казаками-староверами Добруджскими заключил Чайковский „договор об единодушных действиях".**)

О Гончарове и о взаимоотношениях Чайковского и Гончарова сохранились показания Кельсиева, Герцена и донесения русских консулов. По словам Кельсиева, „Чайковский видел в Гончарове человека влиятельного, толкового, который повидимому понимал его планы, сочувствовал поэзии казачества и обещал ему посылать эмиссаров на Дон, на Урал, на Линию" (на Кавказ). „Это и делалось, — добавляет Кельсиев, — но, разумеется крайне осторожно и совершенно безуспешно. Тогда старообрядчеству было не до того", — пояснил Кельсиев.***)

О тех-же попытках союзной работы Чайковского и Гончарова писал 14 мая 1857 г. российский консул из Галаца, характеризуя „беглого казака" Гончарова, как „человека простого, неграмотного, но пользующегося, однако большим доверием Порты и Чайковского. За год до начала Восточной войны", (очевидно, в 1852 году), „этот самый казак посылаем был Чайковским с поручением на Дон, в поселения наши на Буг и, в Чугуев*) и даже в Москву с целью разведать некоторые места и расположение умов тех мест.**)

*) „Русск. Стар.", 1898, т. 94, с. 428—450.
**) „Архив Русск. Револ.", Берлин, т. XI, с. 264.
***) Это были старые покинутые коренными некрасовцами поселения — Сары-киой (Желтое село), Слава и Журиловка. На казачьих же правах жили раскольничьи села: Камень (близ Мачина), Новинка (близь Гирсова), Татарица (между Силистрией и Туртукаем). С у б б о т и н „История т. н. белокриницкого священства" в. I, м. 1895, с. 197—202; Kozaczyzna w Turcyi, Paryž, 1857, s 57—75.
*) „Русс. Стар.", 1883, № 4, с. 182.
**) Арх. Русск. Рев.," т. XI, с. 264.

*) Автобиография его в „Русск. Стар.", 1881, № 2; Г е р ц е н „Собр. соч." т. XIV, с. 633; „Kozaczyzna", s. 63.
**) Русск. Стар.", 1898, № 6, с. 692.
***) „Арх. Русск. Рев.", т. XI, с. 265.
*) „Нашими" поселениями консул называет здесь т. н. „военные поселения", основанные Аракчеевым при Александре I и уничтоженные лишь к началу 1860-х годов.
**) Арх. III-го Отдел., также у Герцена „Собр. соч." т. XIV, с. 637.

Таким образом, до российского начальства, хотя и с опозданием лет на 5—10, доходили кое-какие сведения о попытках Чайковского и Гончара привлечь к движению донское казачество и использовать в революционном смысле ненависть народа к военным поселениям.

О моральном облике Гончарова отлично отозвался Кельсиев, узнавший его в 60-х годах: „человек удивительно деятельный, трезвый, бескорыстный, он всецело предан интересам старообрядчества и ценит все события мира по их выгодности и невыгодности для его церкви"...*) „Сойдясь с Чайковским, Гончаров понял, что Чайковский — человек сильный, что он в связях с разными царями, королями, князьями, панами, что он может пригодиться. Восстаний, республик, Польши Гончаров, — по мнению Кельсиева, — разумеется, не понимал, хоть и печалился о горькой участи больших панов, которых „Россия по целому белому свету разогнала", наравне с последователями „древнего благочестия".

Так же понимал Гончарова и Герцен, писавший о нем: „в сущности для него было все равно, он пошел бы равно с Польшей и Австрией, с нами" (редакцией „Колокола") „и с Греками, с Россией и с Турцией, лишьбы это было выгодно для его Некрасовцев"...

Очень живо описал Герцен свою первую встречу с Гончаровым в Лондоне, в 1857 г. „Выходит из вагона старый русский мужик, из зажиточных, в сером кафтане, с русской бородой, скорее худощавый, не крепкий, мускулистый, довольно высокий и загорелый, несет узелок в цветном платке.

— „Вы — Осип Семенович — спрашиваю я".

— Я, батюшка, я"! Он подал мне руку. Кафган распахнулся, и я увидел на поддевке большую звезду, разумеется турецкую: р у с с к и х звезд мужикам не дают", — добавил Герцен не без горечи. В этом описании Гончар изображен, как живой.**)

Об'езд Чайковским казачьих поселений в Малой Азии, в Румелии и в Добрудже дал ему впечатление успеха не только польско-казачьего сближения, но и династического дела Чарторыйских. Повсюду он раскинул сеть своих агентов, сам поселившись в Царьграде: в Добруджу им был послан Юзеф Жуковский, к казакам-старообрядцам — Равский, на Кавказ для связей с горцами — Францишек Зах, в Белград к сербам — Людвиг Зверковский (Ленуар).***) Затем он ввел поляков в ряд французских консульств на ближнем востоке, и тем получил в свои руки и источники информации и средство влияния.

Помимо казаков, он решил использовать черкесов, как называли тогда кавказских горцев вообще, отчасти ради них самих, как враждебного России элемента, отчасти ради связи через них с кавказским казачеством. Для этого он сошелся с Махмуд-агою, шапсугом по происхождению. По распоряжению Чайковского, Людвиг Зверковский („Каракрык-бей") поехал через Джубгу с письмом Чайковского к Шамилю, приглашавшим его от имени кн. Ад. Чарторыйского действовать совместно в Европе и на Кавказе. Зверковский устроил собрание представителей от шапсугов, ногайцев и абадзехов, уговаривая их войти в союз с Шамилем и поляками против России. Черкесы ответили, что им лучше идти с русскими, чем с Шамилем, фанатизм коего их пугал. Шамиль прислал письмо, что готов на союз с польской эмиграцией.*)

Затем Сефер-паша Зан-оглу (он же польский эмигрант Косгельский) ездил к шапсугам, ногайцам и абазехам, а черкес Измаил-паша — к убыхам.

Чарторыйский вел сношение с черкесами еще с 1832 года. Он послал непосредственно из Парижа в Царьград Гордона „устроить путь" на Кавказ. Экспедиция Гордона („Бендерли-бея") длилась 6 месяцев. Ему удалось об'единить 3.000 всадников, устроить два налета на Кубань (на казачьи станицы). Он замышлял уже большую экспедицию когда был ночью убит из пистолета Керардуком.*) Равно и Зверковский, в свое время, был ранен самими же черкесами и покинул Кавказ.

Максимум успеха был достигнут Чарторыйеким в 1848 г., когда черкесы посылали ему адрес за адресом, прося его быть у них султаном самого или дать им в султаны сына. Однако Чарторыйский мало верил в пользу и практичность поддержки Кавказа и не направил туда ни польских легионеров 1833 г., ни польско-венгерские отряды 1849 г. Между тем, по мнению Кельсиева, появление среди горцев регулярных войск изменило бы судьбу и Кавказа и России.**)

Можно думать, что Кальсиев правильнее, чем Чарторыйский, оценил значение польско-горского союза.

Не всегда совместная работа поляков и казаков проходила гладко. В 1846 г. прямо из Парижа приехали два польских эмиссара — Ант. Илинский, ставший впоследствии Искендер-пашею, и Пулавский (впоследствии Ахмед-Тевфик-бей) и Мих. Будинский. „Приехали они в Тульчу, — рассказывает Гончаров, — и написали письмы во все слободы казацкие, чтоб старики приехали со всех слобод к ним в Тульчу... И было в них там гулянье и пьянство. Дали они старикам на бумаге, что Франция и Англия с Турцией имеют вместе. Старики, которые гуляли, тые молчат, а которые не гуляли, тые явили начальству и сделали бунт в мире и начальстве".

Дело было в том, что эмиссары раздавали медали с портретом кн. Ад. Чарторыйского, которые должны были заменить казакам и татарам польские монеты. Турецкие власти решили, что это фальшивомонетчики.

Что касается Гончарова, то он был также арестован и отослан в Рущук. Будинский бежал в Париж. В Рущуке немецкий доктор Калиш, ставший позже прусским консулом, об'яснил всю историю паше, после чего Гончарова и казаков освободили, а Илинского послали в Царьград, где удалось отстоять и его.

Была кроме того неприятность у Гончарова и из за шейной серебряной булавки с изображением одноглавого польского орла. По словам русского консула, некрасовцы возмутились: „ты — антихрист! В заговор вошел, под польских панов подписался, мир продал... Взял булавку (от Чайковского) в знак обязательства за весь мир идти помагать полякам, когда они забунтуют". Тут, по словам Горчарова „сперва начали турецкому начальству клеветать, что будто бы Гончаров с Россиею заводит приятство. Начальство на него сильную злобу воз'имело, только не могли настояще никто доказать".

Таким образом, сторонник вольного казачества, заключивший с польскими эмигрантами союз п р о т и в России, едва не превратился в глазах турок в д р у г а России „После, — записал Гончаров, — опять напала на него сильная буря противных ветров". Это и была история с медалями.***) По сведениям III-го Отделения „Гончаров получил от польской пропаганды в 1846 г. за усердную службу знак отличия".*)

О деятельности Пулавского и товарищей в Добрудже в 1846 г. до III-го Отделения дошли сведения, яко бы „польские выходцы начали собираться у границ Бессарабии, в окрестностях Тульчи, и составили там из себя целое поселение. Они пропагандировали образование Славянского царства, которое должно было распадаться на 4 штата; русско-славянский, польско-славянский, чешско-славянский и иллирико-славянский,

*) „Арх. Рус. Рев." т. XI, 264—265.

**) Портреты его см. в „Русск. Стар." 1883 г., том XXXVIII, с. 175 при статье А. Никитина „О. С. Гончар, атаман некрасовцев (1796—1879", и в сб. ст. Kozaczyzna w Turcyi, 1857, s. 66. Восп. Герцена в XVI гл. Соч., с. 467.

***) S z p o t a ń s k i „Ad. Mickewicz i jego epoka", Warszava, 1922, t. III. s. 100.

*) Чайковский в „Рус. Стар.", 1898, № 8, с. 436, 444, „Арх. Рус. Рев.", т. XI, с. 257;

*) Из писем М. Чайковского, Львов, 1873, с. 20; восп. его в „Рус. Стар." 1898, № 8, с. 448; Handelsman „Les idées fransaise et la mentalité politique en Pologne au XIX siècle", Paris, 1927, p. 156.

**) „Арх. Рус, Рев.", т, XI, с. 258.

***) „Рус. Стар." 1883, № 4, с. 183; 1898, № 8, с. 436-437.

*) Справка о Гончарове 1856 г. Архив III-го Отд.

с тем, чтобы штаты управлялись каждый особыми правами, согласно обычаям господствующих народов, на либеральном основании*)

Вряд ли, Пулавский проповедывал эти федеративные идеи добруджским казакам и староверам. Вероятнее, что вести о них пришли в Петербург непосредственно из Парижа.

Гораздо серьезнее была попытка поднять восстание на Дону, в 1847 г., во имя идей вольного казачества. Сведения об этой истории сохранились в воспоминаниях одного путешественника на Дон — россиянина и в книге Чайковского о казачестве в Труции.**)

В 1846 г. появился в Стамбуле юноша Михаил Свидзинский, родом из Теребовля в Червоной Руси. Дед его Онуфрий Свидзинский, сын украиского священника и отец галицкого (повидимому униатского) священника. Старик с раннего детства воспитывал внука на идеях вольного казачества, рассказывая ему о запорожской старшине, о кошевых атаманах, о гетманах Украины, о Мазепе, о Стеньке Разине, о Ермаке, Платове и Орлове и о казаках вообще.

Чайковский так передает речи старого деда Свидзинского, обращенные к внучатам: „Глядите на этот край вольный и богатый; это — Червоная Русь наша... Когда-то ее полки Богдана Хмельницкого сплошь взорали своими копытами на засев казачий, а позже сеяли в ней зерна духовные — Максимович, Артемовский, Падура, Нападевич, Залевский и Чайковский. И цветы разрослись буйно по червоно-русскому люду духом казачьим; так же „шумки и думки“, и песни Мазепы и Разина, от Дона и Днепра звучали до самых Карпатов — между народом единого языка, единой веры, единой правды.

„Так что, если преславный наш гетман Ян Выговский воротился бы из гроба мертвых в край живых, то уже не сказал бы, как некогда: „от низовых степей, от Донца до Случа каждому быть казаком“, но повелел бы: „Из за Дону, из за Яика, от азиатских вод, по над Черным морем, по над Днестром, до Буга, до Карпатов — каждому быть казаком, каждому за оружие и на коня. Такова воля сейма и Короля,***) таков приказ пана-атамана“!

При этом, будто бы старик молился: „Боже великий! выслушай нашу молитву, да будет так“!

А внуки заканчивали: „Белый Архангеле, серебряный наш атаман, святый Михаил, казачий вождь с небес данный, услыши глас рыцарства твоего и молитвы народа твоего, испроси у Петра святого, Бога единого, да будет так“...

Чайковский рассказывает, что Мих. Свидзинский так в себе „выфантизовал“ апостольство казачества, что как только достиг 20 летнего возвраста и умер его дед, отправился в Париж, в Лондон, оттуда в Швейцарию, на Дунай, в Добруджу и, наконец, в Стамбул. Он не принадлежал ни к одному (польскому) политическому кружку.

Своей миссией он считал — повидать всех казаков, расспыленных по белу свету и рассказывать одним казакам о других, где они и что с ними. Чайковский говорит, что Свидзинский, готовясь к поездке из Стамбула на Дон, вел аскетический образ жизни, питался ягодами и кореньями, старался подолгу не пить, подвергая себя бичеванию, с целью закалить себя для грядущих мук.

Доставши паспорт итальянского художника он поехал, через Тагонрог, на Дон, пробыл там около года, был заподозрен и открыт офицером-немцем, и — по суду — повешен.

Русский автор сообщает, что Свидзинский заграницею изучал историю Польши, а ему кто то, будто бы сам Чарторыйский, сказал: „к чему изучать историю Польши, когда ее совсем не существует“, и посоветовал перевести в дело любовь к родине. Свидзинский отправился на Дон, где, по сведениям польской эмиграции господствовало недовольство „положением 1835 г.“. Он был снабжен инструкциями и адресами. Судя по списку, он был дан Чайковским. Это были донские дворяне, владельцы крупных имений Миусского (с 1887 г. Таганрогского) округа Земли Войска Донского: Ефремовы, Карповы, Иловайские, повидимому, главным образом, бывшие воспитанники Волынского лицея. Побывал Свидзинский и в слободе Крепкой у гр. Платова, уже известного нам внука героя 1812 г., и у донского либерала А. М. Грекова (с сыном его) в Новочеркасске.

Повсюду у хлебосольных хозяев заезжий гость встречал радушный прием, но попытки его перейти к основной теме — необходимости союза всех казаков и борьбы за свободу — встречались с нежеланием продолжать беседу на политические темы. Однако, никто не выдал заезжего эмиссара, и арест его был скорее скучайный. Начальник штаба Войска Донского М. Г, Хомутов представил его в III Отделение, но Свидзинский удачно бежал и был разыскан в куполе лютеранской церкви Петра и Павла в Петербурге 3 февраля 1847 г.

Отправленный в Новочеркасск Свидзинский был предан военному суду, приговорен к смерти. Атаман заменил ее 20 годами каторжных работ. После об'явления приговора на площади у собора Свидзинский был отправлен в Сибирь. По одним сведениям он был убит в пути, при новой попытке бежать, по другой — умер по прибытии в каторжную тюрьму.

Судя по описанию его в повести „Странствующий казак“, Свидзинский был польским патриотом и горячим казакофилом. Идея Казакии, как говорят теперь, возникла у него самостоятельно, независимо от казакофильской литературы. Скорее она шла из народных низов, от традиций казачьего братства Дона, Запорожья, Яика...

Самая же попытка Свидзинского претворить его идею в жизнь пошла по пути, предначертанному Чайковским. Представитель аристократической партии независимости, он направил Свидзинского к представителям донской аристократии, автономистам или, как надеялся Чайковский, сепаратистам. Прием, оказанный идеям Свидзинского на Дону, был, несомненно более приветливый, чем тот, который описывает русский путешественник. Естественно, что после ареста Свидзинского, все его принимавшие, спешили от него отрекститься. Во всяком случае, в истории идеи вольного казачества Михаилу Свидзинскому принадлежит место наравне с Чайковским и Гончаровым.

Помимо посылок на Дон и на Кавказ для возбуждения восстания Чайковский организовал еще селения из польских эмигрантов на берегу Мраморного моря (Адам-киой и др.), но попытка его придать им характер казачьих станиц кончилась плачевно: не традиции Сечи, а ожесточенный католический и польско-национальный фанатизм стали характерным признаком жителей этих селений.

*) „Ист. записка о III-м Отд., за 25-летие“. Архив III Отд.

**) А. Крылов. „Агитатор на Дону“, „Древняя и Нов. Россия“, 1878, № 12, с. 352-3; Чайковскй „Странствующий казак“ (Kozak wendrowec), „Kozaczyna w Turcyi“, Par. 1857, с. 367, 386 и 387.

***) Конечно польского короля.

Английская газета „Морнинг Пост“ (№ 50000) сообщает, что „большевицкая Россия столкнется предстоящей зимой с самым серьезным кризисом, какой только переживала она со времен голода 1921 года... Бумажные планы колоссального промышленного развития рушатся... Отчаянное положение советского сельского хозяйства вызвано большевицкой политикой коллективизации...

П. Фадеев.

Осень 1918-го года.

Неудачная попытка красных захватить Царь-Никольский, а за ним и всю Собольскую станицу (житницу Уральского Войска), видимо, раздражила их. Получив подкрепление, они вновь нападают по старой дороге, но вновь терпят неудачу, отступают, быв уже опять на окраине поселка. Но и это их не останавливает. Получив еще раз подкрепление, они повели к осени наступление уже широким фронтом, захватывая своим левым флангом станцию Ново-Сергиевка, а правым ст. Соболевскую.

Наши же части не только не были усилены, а — наоборот — разрежены для того, чтобы по всей ширине фронта оказывать сопротивление наступающему пр-ку и следить за ходом его.

К этому времени все Войско буквально воевало: от 18 лет до 50 были в строевых частях, старшие же и младшие, частично и женщины, обслуживали войска подводами. К этому времени мы выставили, приблизительно, двойной комплект полков военного времени с артиллерией и некоторыми техническими частями, а при этом не надо забывать и обслуживания тыла и штабов.

Напряжение Войска в действительности было сверх сил. Средствами же к ведению такой большой кампании мы не располагали. Зачастую полки нечем было кормить, нечем было одевать, снаряжать, хотя на местах и имелись рессурсы, — не было средств и возможностей их использовать.

Общую численность пр-ка, наступавшего осенью 1918-го года на фронте Уральской армии, трудно установить, но не будет преувеличением определить ее как превышающую нас в 10 раз.

Наши части по преимуществу были конные, большевицкие пешие. Соответствие сил наших и характер вооружения диктовал нам особые тактические приемы войны. Мы никогда почти не наступали большими фронтами, а если и пытались, то часто в силу огромного перевеса сил и артиллерии на стороне пр-ка, кончалось для нас такое наступление неудачею. Тогда как окружение отдельных групп, внезапное, чаще ночное, всегда давало нужный результат. Пр-к, расстраеваемый налетами, должен был или уходить или топтался на месте.

Вторым нашим преимуществом было настроение казаков защищать свои земли, свой край до последнего. Среди Уральских казаков не было ни перебежчиков, ни сдатчиков. Не было так же и разногласия резкого между офицерами и рядовыми казаками, если не считать некоторых препирательств по вопросам: „ходить за грань или не ходить“, которые собственно имели характер чисто семейный. Казаки всегда при этом говорили: „Мы воевать с большевиками „не отродчики“, но за грань не пойдем“. Но, „за грань“ все таки, после некоторых разговоров, шли.

Были также некоторые трения Войсковой старшины и с верховной властью — Войсковым С'ездом, но опять таки это носило характер не принципиальный, а тактический. Войсковой С'езд, верней, отдельные члены его, по незнанию Конституции и своих обязанностей, вмешивались в дела чисто оперативного характера, что возстанавливало против них В. Старшин.

Войско управлялось (до весны 1919-го года) В. С'ездом без Атамана. Генерал М. Ф. Мартынов был как бы Походным Атаманом Войска к этому времени, нося оф. название Команд. Фронтом, армией.

Война была жестокая. Долгое время пленных обе стороны не брали.

На этом фоне осенью 1918-го года было решено остановить наступающего пр-ка рядом отдельных ударов по его фронту. Большевики, заняв пограничные хутора и станицы, имели намерение двинуться вглубь Войска. На участке против Благодарновской станицы в селе Степановка Самарской губернии была обследована ударная групка силою до 1000 штыков с артиллерией, пулеметами и конницей, которую и надлежало уничтожить, чем и заставить соседние от нее части отодвинуться за грань. Кроме ее положения, выбор на нее пал потому, что будто бы ею командывал Чеботарев, по происхождению уральский казак, служивший во время большой войны в 1-м полку, но родившийся и выросший вне Войска. Так как это случай единичный, то он был всем известен и, следовательно, каждый втайне мечтал собственными руками расправиться с Чеботаревым.

К удару были назначены: пеший дивизион (до 400 штыков); 15-ый конный полк (до 600 шашек) и сводный полк (до 400 шашек).

Как и положено, ночью части подтянулись к Степановке. С рассветом пеший Илецкий дивизион с горы повел наступление на село; конные полки обходили его с флангов. 15-й конный полк (из стариков), благодаря бурану, опоздал охватить село с тыла к началу удара пешего дивизиона, благодаря чему, после того, как дивизион ворвался в село и начал там свое дело, конные имели возможность на глазах у нас ускакать не тронутыми. Пешие же, несмотря на то, что, выбежав, с'умели сгруппироваться, несмотря на то, что первые две атаки конных с'умели отбить, все же были уничтожены третьей. Чеботарева между ними не было. Ему видимо удалось ускакать с первой группой конных.

На другой день были получены сведения, что под ст. Соболевской М. Ф. Мартынов разбил большой отряд красных, где забрано было одних только орудий 11 штук, много пулеметов, винтовок и до 2-х тысяч пленных. Для наших масштабов это была огромная победа.

И думали казаки после этого, что до весны — конец красным! „Больше не пойдет“! Но не так было на самом деле.

И. Комаров.

Яицкому Атаману.

Многоуважаемый Владимир Сергеевич!

Прочитал в номерах 102 и 106 журнала „В. К.“ Ваши письма-статьи. И показалось мне, что в них вы меньше говорите по существу вопроса, т. е. о воссоздании самостоятельного казачьего государства — Казакии, а больше всего говорите о донских казаках и говорите не как о славных сынах Батюшки Тихого Дона, а как о рабишках-холопишках, давно утративших все казачье.

Вы утверждаете, да еще категорически, о том, что причина всех наших грехов и ошибок, благодаря которым мы выплеснулись из родных берегов, лежала в утрате донцами дисциплины. „Седой Дон и широкая Кубань бросили эту дисциплину как раз в самый критический для себя момент. Кто виноват? — Конечно, только не казаченки! Не так ли? — восклицаете вы.

Деять раз не так, г. Атаман. Прежде чем так уверенно, да еще без ссылок на факты, бросать незаслуженное обвинение донцам, Вам следовало бы, г. Атаман, сначала изучить историю борьбы Дона с красными в 1917—20 гг.; материала для ознакомления имеется достаточно. Таковыми являются: „Донская летопись“, „Дон в борьбе с большевиками“, „Записки генерала Денисова“, „Конец белых“, „Казачество“ (мысли современников), в них черным по белому официальными лицами того времени зафиксированы факты, которые никем еще не были опровергнуты. Если бы Вы, г-н Атаман, хотя бы отчасти просмотрели эти материалы, то и не оказались бы столь неосведомленным.

Прежде всего разрешите заметить Вам, что Вы совсем не ту яму отыскали. Яма, в которой была за-

рыта злочастная собака, — в том, что к моменту разыгравшихся на казачьих землях страшных событий Казачество не было об'единено. При наличии и умелом использовании тех сил, которыми Казачество тогда располагало, их было достаточно для того, чтобы не выплеснуться из родных берегов. С Верховного Круга Дона, Кубани и Терека нужно было начинать, а не кончать борьбу.

Сама история готовила Казачеству славную и красивую роль; недоставало у Казачества лишь исторической личности. Казачество погубил атаманский гипноз о Единой Неделимой. Атаманы в злочастную для них самих и для Казачества минуту скрыли от Кругов и Рады мирное предложение Советского правительства о признании за Казачеством самостоятельной государственности.

Вторая „собака" — союз с генералом Деникиным, окруженным контр-революционерами и русскими помещиками. Вместо подлинной борьбы за свою родину, Казачество вместе с врагами русского народа боролось в первую очередь за возвращение земель и дворцов помещикам, да — в придачу — со взысканием от крестьянина третьего снопа. Благодаря этому крестьянство стеной стало в защиту Соввласти и Казачество оказалось в борьбе одиноким. Вот где, г-н Атаман, была зарыта настоящая собака. Сам генерал Деникин видит ее в том же: „Недавно мы были у Орла, ныне мы стали на Кубани; левые обвиняют меня в том, что я вел слишком правую политику, а правые наоборот, что слишком левую; ни те, ни другие не правы. Главная причина нашего поражения — грабеж"... (из афиши вывешенной в Екатеринодаре 5 февраля. 1920 г.).

Действительно, генерал Деникин, с молчаливого согласия Атаманов, сделал все для того, чтобы этот грабеж был даже узаконен. Добрармия под командой генерала Май-Маевского самоснабжалась, т. е. ей было разрешено по собственному усмотрению отнимать у населения все, что заблагорассудится. Десятки товарных поездов, нагруженных награбленным, отправлялись для реализации в глубокий тыл; для сопровождения поездов назначались сотни и тысячи людей (воспоминания генерала Лукомского т. II). „Деникин! Прекрати грабежи" — писал Шульгин в „Киевлянине" от 5 сент. 1919 г. № 24.

„Я не удивляюсь, что при звоне о свободе из Кремля казаки донцы не могли не откликнуться и казаки помогли красной Москве" — говорите вы, г-н Атаман. Это Ваше утверждение ничем не обосновано.

Я позволяю считать его сплошной ложью и вопиющей несправедливостью к Донскому Войску, понесшему в борьбе — как никто другой — величайшие жертвы. Даже самые заклятые враги Казачества нигде и никогда ничего подобного не позволяли себе говорить в адрес донцов.

Генерал Деникин пишет: „Боролись казаки за свой казачий уклад, за свои земли и добро, за свои края и Россию, за мир и порядок. И принесли они в жертву борьбе все свое достояние и несчетное число жизней. Участие Казачества в борьбе вооруженных сил Юга России было значительно и славно" (Казачество, стр. 27). Генерал Врангель: „Казачьи земли явились колыбелью Белых армий. В борьбе с поработителями родины казачья кровь обильно полила степи Дона и Волги, горы Кавказа и беспредельные шири Сибири" (там же, стр. 98). Генерал Лукомский: „За время борьбы с большевиками казачество сыграло выдающуюся роль и внесло много славных страниц в свою историю" (там же стр. 58). Генерал Богаевский: „Каждый казак горячо любит свой родной край и все, что связано с ним. И мы смеем думать, что действительно, если бы все русские люди также искренно любили родину, как казаки и готовы были бы всем жертвововать ради нее, — то не пришлось бы нам странствовать по белу свету и красный хам не царствовал на Руси! А одно Казачество, с горстью доблестных добровольцев не в силах было победить в страшной борьбе неизмеримо более сильного числом врага" (там же стр. 7).

Да и как-то странно слышать от Яицкого Атамана такие утверждения исключительно голословного характера. Я смело и категорически утверждаю перед Вами, г. Атаман, что по силе сопротивления и упорству донцы за весь период борьбы стояли в первых рядах. В доказательство своих утверждений я привожу для вас официальные данные о боевом составе Донской армии, чтобы Вы убедились в несостоятельности своих утверждений.

Даты ст. ст.	Силы Дон. армии			Силы Крас. армии		
	бойцы в тысяч.	орудий	пулеметов	бойцы в тысяч.	орудий	пулеметов
1918 г.						
к 1 мая	17	21	58	70	200	400
1 июня	40	56	179	65	200	350
1 июля	49	92	272	63	198	871
средина	39	93	270	40	132	420
1 августа	31	79	267	„	„	„
20 ноября	39.5	153	581	131.2	379	1087
1919 г.						
к 1 февраля	38	168	491	124	435	1337
15 „	15+20	168	491	124	435	„
21 апреля	15+20	108	441	115	538	„
10 мая	15+20	131	531	110	570	„
16 июня	40	„	„	29	570	„
15 июля	43	177	793	58	279	„
1 августа	30	161	655	63	243	„
1 сентября	39.5	175	724	88.5	265	„
1 октября	46.5	196	765	80	312	„
15 „	52.5	196	765	71.5	354	„
1 ноября	37	207	798	67.6	360	„
1 декабря	22	143	535	63.7	300	„
1920 г.						
1 января	39	200	860	70	356	1337
22 „	39	243	856	49	302	„
1 февраля	38	158	687	55	260	„
20 „	„	„	„	44	278	„

Примечание: с 15 февр. по 25 мая 1919 г. боевой состав Дон. армии следует считать с прибавлением армии В. Донцов., в среднем 35 тысяч.

Для сравнения привожу ниже состав Добрармии в период подчинения ее в 1920 году командарму Дон-армии:

К 22 января: 8398 бойцов, 158 орудий.

К 1 февраля: 8934 бойцов, 101 орудие.

С марта 1918 года по 15 февраля 1919 года весь напор красных сдерживал один Дон без частей Добрармии. Длина фронта в 1918 году равнялась от 800 до 1200 верст („Донская летопись" т. I, стр. 128—130).

После поражения под Екатеринодаром 31 марта 1918 года Добрармия пришла на Дон. Что сталось бы с ней, если бы к этому времени ей не помогли бы кубанцы и не были бы открыты ворота Дона? Простояв под кровом Дона два месяца, она в июне, в составе 5000 человек плюс 3000 кубанцев выступила во второй Кубанский поход, снабженная всем необходимым Донским правительством.

Ко времени прибытия союзников в ноябре 18 года, силы Добрармии равнялись 7,500 а в то же время силы кубанцев рав. 35,000.

На предложение союзного представителя ген. Бригса о необходимости Донскую армию подчинить генералу Деникину, Донской Атаман Краснов ответил: „Неудобно подчинить 38000 Донскую армии 6000-й Добровольческой". (После все же на наше несчастье была подчинена).

В декабре 1919 г. ген. Врангель, назначенный вместо ген. Май-Маевского командующим Добровольческой армией, прибыв в ставку и убедившись, что боевой состав ее равняется лишь 3000, принять командование отказался (Воспоминание ген. Лукомскего, кн. II).

Как видите, г-н Атаман, всю силу на „Юге России" составляли казаки. Даже тогда, когда уральцы шагали по киргизским степям к форту Александровскому, дон-

цы все еще упорно боролись. 5 января 1920 г., под хутором Веселым, донцы разбивают конный корпус красных и захватывают 32 орудия и 8 пулеметов. 5-го февраля 20 года под Торговой, Донской конный корпус численностью в 12000, простоял в ожидании рассвета всю ночь в открытом поле и... 6500 человек оказались обмороженными. Все это было тогда, когда уральцы были уже в форте Александровском. 14 июня 20 г. на Берестовском направлении донцы проявили исключительную храбрость, захватив в плен бригаду 40-й стрелковой дивизии — около 2000 пленных, 40 пулеметов и 12 орудий (Военный сборник Об. Ревн. Воен. Зн. стр. 140 кн. I).

Как видите, г-н Атаман, это было тогда, когда Вы с горсточкой в 300 человек сидели уже в Персии...

Мы, донцы, достаточно богаты военной славой. Во все периоды своего бытия никогда не походили на холопишек и рабишек и особенно в борьбе с красными донцы проявляли иногда беспримерные в истории стойкость и храбрость, как это было с Верхнедонцами, которые поднялись в тылу красных войск и втечении четырех месяцев, окруженные со всех сторон 40.000 красной армией, не сдались. По этому поводу главковерх Троцкий отдал следующий приказ: „Начальникам всех степеней. В наикратчайший срок подавить восстание предателей, воспользовавшихся доверием красных войск и поднявших мятеж в тылу. Донцы еще раз обнаружили в себе вековых врагов трудового народа. Все казаки, поднявшие восстание в тылу красных войск, должны быть поголовно уничтожены, а также и те, кто имеет какое либо отношение к восстанию и противосоветской агитации.

Не останавливаться перед процентным уничтожением станиц. Сжечь хутора и станицы, поднявшие против нас восстание в тылу. Мы терпим и отогреваем на груди змею измены и предательства — вековечных царских холопов казаков. Будем же беспощадны в своей борьбе. Еще несколько ударов меча революции и счастливая рабочая республика, упоенная смертью врагов и предателей, зацветет, осуществляя великие цели коммунизма.

Члены военсовета: Троцкий, Каменев."

Что же это по вашему, г-н Атаман? Перед рабишками и холопишками встревожился Троцкий?

Донцы помогли красной Москве ничуть не больше, чем и уральцы: и те и другие выставляли на борьбу все, до крайней возможности. Вот как об этом говорит б. председатель Донского правительства Н. Мельников (ВКС, № 14 и 15, 1928. стр. 251): „Казачество в целом выставило 80% мужского населения. Если бы вместо Самарских, Тамбовских и Орловских губерний были бы казачьи края, то о существовании большевизма не могло быть и речи" („Каз. сборник", Н. М. Мельников). „Россия же не дала на борьбу и одного процента", говорит Мельников. (ВКС. №№ 14—15 стр. 251).

„Что умного и дальновидного было в лозунге: „Пригребай к своему берегу", хотя бы он и выражал всенародное настроение ВВД, а ныне болшинство казаков заграницей, чтобы всячески клеймить и своих Атаманов и генерала Корнилова и Врангеля". — Все, что выражает непреклонную волю того или другого народа — самое умное и дальновидное.

Казаки-единонеделимцы (Казачество составляло всего лишь 2 с половиной процента общей численности из 150 миллионов б. России) кричали: „вперед на Москву" и, вместо Москвы, все мы оказались за морями и океанами. Что было и есть в этом дальновидного?

Никто и никогда из казаков не клеймил и не клеймит имя генерала Корнилова. О Врангеле также мало говорят потому, что роль его была заметна в разгроме Кубанской Рады, как роль подставного палача.

Далее, Вы говорите, что Врангель собирался тряхнуть Москвой и вырвать из рук Москвы Волгу и он принял заветы Разина и Пугачева. — Простите мне, г-н Атаман, такой несуразности никто из казаков никогда не слышал.

Атаманов же мы клеймим за то, что они слишком много и не по своим силам взяли на себя, а именно скрыли мирное предложение Советского правительства с признанием самостоятельности Казачьего государства.

Как видите, г-н Атаман, Прибалтийские „губернии" лучше понимали толк в лозунге „пригребай к своему берегу". Эстония и Латвия, каждая в отдельности почти в пять-шесть раз моньше одной только Донской области и в 18 раз каждая из них меньше 6 казачьих Войск, не побоялись принять предложение и теперь самостоятельны.

Утверждать, как это всегда делает генерал Богаевский, что Казачество все равно не удержалось бы, а если и удержалось бы, то неминуемо подпало бы под экономическую кабалу иностранцев, это значит — заранее расписываться в собственном ничтожестве.

1 авг. 32 г. Австралия.

Думы и мысли.

С. Савицький *(Бразилія).*

А. С. Тиріну.

Чи ти памятаєш, мій друже:
Були ми на фронті з тобою.
Хоч вили гармати — байдуже:
Привикли до їхнього вою.
Новинка до нас долітає:
Не стало царя більш на троні.
Пластун розгубився й не знає,
Чи плакать, чи ляскать в долоні.
А вістки одна за другою
Летять в батальон з Петрограду:
То Ленін, то инші горою,
То вибрали знов якусь Раду...
„Пріказ № 1" приходить...
Тай мудрий же був він, як чобіт!
Пластун збаламучений ходить, —
Москаль козака ворохобить.
Коли так шуміло навколо,
До мене прийшов ти в кімнату.
І нашу тодішню розмову
Тепер хочу я пригадати.
Про що-ж ми тоді говорили? —
Про Вільне Козацтво, про волю,
Що в крові колись утопили,
Про битви майбутні з Москвою...
І справді, з Москвою ми бились,
Та все, якось так, по-дурному.
А Вільне аж тут народилось
Далеко від рідного дому.
Нарешті аж тут відродилось,
Про що ми так мріяли, друже.
Неначе у сні це приснилось.
Й козацтву воно не байдуже.
Козацтво, як море, хвилює...
І знайде собі Отамана,
Що кривди козачі відчує
Й розібье ворожі кайдани.

„Петроградские казаки" в 1924, 26 и 32 г. г.

Раньше „петроградские казаки" вели упорную борьбу против Атамана В. В. Д., стараясь всеми способами вырвать у него власть. Тогда Атаман с большим достоинством защищал казачью честь и не позволил „петроградским казакам"-монархистам добиться своих целей.

Мы поддерживали своего вождя, думая, что он никогда более не поведет казаков спасать чужое, спасать „матушку" Россию, за которую много казачьей крови про-

лилось и за это мы получали от русского народа только ненависть и травлю, а впоследствии жестоко поплатились за свое доверие и жертвы.

В 1926 г. Д. Атаман покинул „Зарубежный С'езд" и он был прав. После этого в „Казачьем Вестнике" писали: „Казаки! Помните, что нас, казаков, никто не любит („КВ" № 4). Но придет время, когда мы скажем свое веское слово". Не раз Богаевский писал в „Последних Новостях", что кучка „петроградских казаков" пытается его сместить с поста Д. Атамана. Писалось и говорилось это, пока была еще казна донская. Но не знали тогда казаки тайных намерений своего вождя и потому и поддерживали его в борьбе против монархистов ген-ов Сычева, Секретева, Черячукина и др. (главный не расписался). Что же мы видим в настоящем? Что сталось с нашим Атаманом? Он теперь пошел рука об руку со своими прежними врагами. Не потому ли это случилось, что истощилась многомиллионная казна донская?

„Петроградские казаки" добились своей цели: Д. Атаман с ними, а значит там вместе и другие Атаманы, что и видим. Началась при помощи перешедших упорная борьба против молодого поколения, которое осталось твердо и за Атаманами не пошло к своим врагам.

Нас уговаривают снова идти вместе с русским народом спасать „матушку" Россию, а вместе как будто и Казачество, но это такое добавление делается так, для успокоения совести, чтобы лучше обмануть доверчивых людей. („КК" и „Часовой" — ген. Абрамов). А почему не наоборот — пусть русские хоть раз пойдут спасать Казачество, а вместе с ним и свою Россию, пусть хоть раз положатся на нашу волю — на казачью, тогда мы и посмотрим, а то все мы должны идти спасать, а управлять нами будут они: кровь наша, а воля ваша. Не довольно ли нам играть в подкидного дурачка? Давайте вопрос поставим прямо.

Кубанский Атаман открыто выступил против вольных казаков и сравнивает их с большевиками, а в Смедерево против казаков ополчился ген. Кельнер, который сказал ясно и определенно, что Россия должна быть только для русских, никаких там украинцев, казаков или татар. Атамана Каледина ген. Кельнер всячески поносил.

Вот под какую „волю" русского народа нас хотят подвести наши — „вожди". Нет, г. г. Атаманы и вы г. г. царские генералы, нам, казакам, незачем идти спасать Россию. Да от кого же и спасать ее? Русских же от русскнх? Русский народ сам пожелал ту власть, которая и поныне существует. А мы, казаки, эту власть не приняли, иго красное отвергли и восстали против большевизма. Обливаясь кровью, мы умели защищать свои Края от коммунистов и можем сказать гордо, что мы сумели освободиться в 1918-19 г. г., но на несчастье снова положились на волю белых русских и, как быть должно, спасая „матушку" Россию, потеряли и родное нам Казачество. За что? А за чужие интересы, за московскую „матушку" лишились своего Дона-батюшки и оказались за границей. Здесь мы только убедились, что ни одно европейское государство не желает видет единую неделимую Россию, а не очень давно убедились и в том, к чему пришли наши прежние руководители; они и сами поняли, что кругом ошибались и потому г-н Мельников признался, что они обанкротились. Вот какая „идея" у наших „вождей".

Атаман Науменко сравнивает нас, вольных казаков, с большевиками и говорит, что мы ведем казаков на пушечное мясо. Этого не было, нет и не будет. Но Вы нас, казаков на пушечное мясо уже водили и результаты все мы видим, а потому больше с вами не пойдем, если же нужно будет защищать свою мать Казакию, то станем в ряды все до одного и будем отражать нападение врага.

Мы идем по своей казачьей линии, вернее, — идем по старой, широкой и милой нашему сердцу дороге, по которой шли наши славные предки, и никогда не свернем ни направо, ни налево. А большевиков мы, вольные казаки, ненавидим не менее чем и Вы, господин Атаман, к какой бы национальности они не принадлежали — нам все равно, хоть бы это были и русские. Они уничтожают наших отцов, матерей, жен и детей, наших братьев и сестер; заселяют наши станицы, хутора русским народом, а казаков выселяют, уничтожают, чтобы не было даже слова казак. Русские, которые вместе с казаками находятся в изгнании, только радуются этому и говорят открыто, что нас, казаков, давно следовало бы уничтожить. Как же мы можем теперь идти рука об руку со своими открытыми врагами. Нет и нет! Нам, казакам, не по пути с русскими. Мы пойдем защищать только свои родные Края, в это мы верим и на это у нас хватит сил, мужества, любви и спайки.

Надо раз и навсегда забыть о „единой-неделимой" и уйти из русских общевоинских союзов и всем стать на свой чисто казачий путь, по которому много веков шли наши предки, а ныне идут казаки сепаратисты. Чем ни скорее мы об'единимся, тем скорее достигнем своей цели. Не с Общевоинским Союзом будем идти, а со своими казаками, ибо наши отцы и братья просят только нас, казаков, спасти их от русского красного нашествия, но не просят Общевоинский Союз.

А вы, наши Атаманы и старые генералы, вы куда нас ведете? Неужели вы еще хотите нашей крови? Вы спешите ударить челом будущим русским правителям, чтобы они потом разрешили нам строить вместо гимназий тюрьмы и „позволили бы" милостиво содержать за свой счет казачьи войска для защиты „матушки" России. Нет, довольно! В своих Краях мы должны быть сами хозяевами: нам их никто не даровал, хотя отнимать охотников было много и русские цари постепенно лишали нас казачьей воли и хотели сделать мужиками, да, слава Богу, этого не вышло. Наши милые сердцу Края защищались и отстаивались только казачьей кровью.

Да будет нам стыдно, если мы еще раз повторим свою прежнюю ошибку и добровольно сами себе наденем ярмо.

Да здравствуют казачьи Войска! Да здравствует родная Казакия! Всем вольным казакам мой привет!

18-VIII-1932. Париж. **В. Семенкин** (донец).

Казачья исповедь.

Милостивый Государь, господин Редактор!

Покорно прошу Вас зачислить меня в ряды вольных казаков — борцов за казачьи интересы.

Я — племянник есаула Кондратия Лукича Бардижа, бывшего члена Государственной Думы, не раз слышал от него такие слова: „Нам, казакам, надо защищать свое казачье". Будучи молодым, я не вмешивался в общественные дела и предполагал, что надо защищать свое потом и кровью нажитое добро: коней, коров, пшеницу и т. д.

Много разговоров на казачьи темы велось за семейным столом у дяди или у моего отца. Чаще у дяди, где собирались вместе: он, его два сына и мой отец.

15 лет прошло с тех пор и я полностью прошел весь крестный путь, начиная с „Ледяного похода" и кончая Борским рудником в Югославии, куда попал сразу же, по прибытии Кубанской дивизии с о. Лемноса.

Вскоре я узнал всех русских в Боре, именно говорю русских, потому что тогда еще держали нас казаков на цепи; в частях маршировали с киркою на плечах вместо винтовки, становились над обрывом пропасти „смирно" и т. д. Никаких организаций в Боре не было, хотя жили очень дружно и после работы собирались вместе, воспоминая пережитое и надеясь на скорое возвращение домой.

Через некоторое время к нам прибыли казаки, которые не состояли в строевых частях; их называли беженцами. Мы приняли к себе на квартиру приехавших казаков, среди которых был также покойный хорунжий Трофим Самсонович Половинка (ст. Медведовской), гораздо старше меня и с большим понятием о воле казака; с ним мы и поместились, как сожители. В свободное время мы беседовали и я многое узнал от него про вольности казачьи. Но в то время было еще рано говорить об этом, т. к. все очень осуждалось со стороны русских, т. е. рассейцев. Тогда я стал вспоминать

разговоры своего дяди К. Л. Бардижа и думал, что он не ошибался, когда говорил, что надо до последнего защищать нашу казачью волю и славу, а вместе, значит, и все Казачество с его добром, ибо факт на лицо: сейчас наши там, на Кубани, остались без воли — они в московском плену и те, у кого больше воли, забрали у них все. Значит и нам тоже нужно побольше воли, чтобы отнять все свое назад, а крепкая воля будет там, где все будут держаться за одного и один за всех. Но, к большому сожалению, у нас, казаков, еще это не совсем созрело. Я думаю, что если бы один из нас бросился смело вперед, а мы все его поддержали бы, то и забрали бы все в свои руки, как когда то Троцкий при помощи самих же русских забрал Россию. Поэтому мы теперь и должны все поддержать Вольное Казачество, чтобы скорее достигнуть победы и освобождения Казачества. Маленькая пуля убивает человека потому, что она твердая, тем и сильная.

Давно живя в Боре, я знаю там всех людей как в русской колонии, так и в казачьей станице, знаю когда и как это организовано и какие были атаманы и председатели, — нет чисто казачьей организации. Читал все журналы, которые имели хотя что нибудь из казачьего быта и вот случайно попался мне журнал „ВК".

Я уже сказал, что не состою ни в русской колонии, ни в станице, ибо там для меня нет ничего утешительного, а я в частных разговорах нахожу себе единомышленников и то в достаточном количестве.

Первый журнал „ВК" мне дал генерал Гейман, а до того у нас их не было; я внимательно прочитал два раза и вижу, что меня с ним что вяжет. Я попросил еще и ген. Гейман любезно дал мне целый тюк старых номеров со словами: „На тебе, ты, кажется, добрый казак. Прочитай их все и узнаешь, где казачья правда. Это важно знать всем". Я, конечно был очень тронут тем, что он своими словами попал мне прямо в сердце, а на душе была такая радость, как у матери, которая нашла своего сына. Теперь и я стал на свой казачий путь.

С тех пор прошло немало времени, но занятый работой иногда и по ночам, за домашней житейской суетой я не имел достаточно времени, чтобы прочитать быстро все номера журнааа; все же и медленно читая, я все больше и больше воодушевлялся казачьей правдой, которую проповедует журнал „ВК".

О прочитаном я нахожу нужным поделиться с другими казаками и даю им самим прочитать журнал, даю его и противникам, что бы они тоже убедились, что в нем нет ничего „подозрительного". Хотя мои номера и старые, оно правда в них все равно одинаковая и всегда новая, что доказывает и тот факт, что в станице остались самые неказаки, вроде как Аптекарев Виктор, который советует и даже приказывает атаману пойти и заявить в полицию, чтобы самостийникам не разрешали устраивать своих собраний, что и сделал станичный писарь Яцун — Иуда-казак, привыкший лизать чужие пятки и бороться с казачьей правдой, являясь для нас проводником всякого зла. Срам и позор таким казакам-предателям.

Это пишу Вам, господин Редактор, не потому, что у меня имеются с ним свои счеты личные. Нет! Я пишу это потому, что испытал на себе все недоброе и через этих изменников, когда во время случайного собрания у меня вольных казаков я был арестован Борской полицией. Димитрий Яцун привел жандармов под самое окно комнаты, где полковник Назаров читал нам доклад. Я раз'яснил все жандармам и нас освободили, а на другой день нам с полк. Назаровым пришлось раз'яснять в полиции, какой это был сбор и как он собрался, после чего нам было сказано начальником среза, что такой сбор они могут нам разрешать с их ведома.

Так вот в каком заблуждении казаки! Я не удивляюсь Виктору Аптекареву — он выхрест и это его обязанность — подстрекать к предательству, но не могу понять, как на такое подлое дело могут идти казаки вроде Яцуна, ибо он же этим делает зло сам себе, марая предательством свое имя, хотя между нами и есть большая разница: он казак „русский", а я просто казак и при том вольный казак.

Для сербов это пока непонятно, они удивляются и спрашивают: „почему же он так поступил, ведь и он же казак? почему он пошел на тебя жаловаться?" Я ответил, что и он казак, да душа у него не казачья. Тут пришлось много говорить, чтобы хорошо раз'яснить что и как. А после мой собеседник и говорит:

Э бре! значи он није козак.

И как он не подумал о том, что будет делать, когда все казаки станут под свое родное вольноказачье знамя; с какими глазами он придет к своим братьям? А того не миновать, ибо посмотрите, как полнеют ряды Вольного Казачества! А Москвы им не видать, да и не пустят... может полько попервах, ну а потом в холопы, а холопом никому не хочется быть. По моему, если ты от одного берега отбился и не хочешь приставать к другому, то поскорей плыви вниз до водопада в бездну и не мешай другим.

Господин Редактор, Вы меня простите, что я так безграмотно пишу, слишком уж наболело сердце казачье, затронули правду казачью и много нам приходится страдать за нее, да наверное уже скоро и конец: просыпаются казаки, поняли куда им надо идти. Я человек с малым образованием, но сердце мое бьется по казачьи и за правду свою надо стоять навсегда.

Патомственный вольный казак

Христофор Дистерло.

10-VIII-1932.

Кровавая цепочка.

На странице 19 „КК" № 108 можно встретить протест г. Макухи, направленный против редакции „ВК": „Требование редакции журнала „Вільне Козацтво", напечатанное в № 102, о выходе кубанцев, сотрудников „ВК", из Союза Кубанских писателей и журналистов я лично считаю насилием, а стремление этим путем разрушить беспартийный Союз Кубанских писателей — нечестным поступком, а потому с настоящего времени считаю себя выбывшим из числа сотрудников „ВК". Гнат Макуха".

Прочитав „протест" беспартийного г. Макухи, я решился отыскать „нечестный поступок" и от кого он исходил, а поэтому, перелистав весь № 102 „ВК", согласно ссылки г. Макухи, я не нашел там никакого требования ред. „ВК". Допуская опечатку в жур. „КК", вынужден был заглянуть в другие номера и в № 101 „ВК" нахожу требование редакции, которое было уже процитировано редактором в жур. „ВК" № 110—111, но так как наша задача найти по документам „нечестный поступок" и от кого он исходит, — придется второй раз привести цитату для гласного казачьего контроля, а поэтому воспроизвожу требование ред. „ВК" и цитирую: „В виду сотрудничества „Союза Кубанских писателей и журналистов" с издаваемым в Париже „Кубанским Казачеством", настоящим предлагаем тем нашим сотрудникам, которые состоят членами этого союза, или уйти из союза или мы вынуждены будем отказаться от их сотрудничества".

Журнал „Кубанское Казачество" при сотрудничестве „Союза Кубанских писателей и журналистов" издавался „Обществом Ревнителей Кубани", во главе таковой организации стоял полк. Елисеев. Пробежав бегло, хотя бы по одному из номеров жур. „Кубанское Казачество", будет заметно, что поведение некоторых сотрудников этого журнала подменяется тою политической неустойчивостью, которая читателя по цепочке приведет в журнал Общ-В.-Союза „Часовой", а именно: „10 rue des Cordéliérés, Paris (13) France, pour Colonel Elisseeff (Осн. см. жур. „Часовой" № 32 стр. 28). Такое явление, мне кажется, противоречит „безкорыстной Кубанской организации служить своему славному Кубанскому казачьему Войску", как и противоречит „Союзу Кубанских писателей и журналистов" и есть ли смысл братьям кубанцам лепить „неполитические" организации для того, чтобы потом по цепочке „привести" Кубань на поклон Общ-В.-Союзу и быть под опекой последнего?

Очевидно, что беспартийный г. Макуха в двух соснах запутался и, как видно, такое сцепление привет-

ствует, тогда, конечно, он может обвинять ред. „ВК." и поступок ее называть „нечестным поступком" (с его, конечно, точки зрения). Тактика борьбы г. Макухи против В. К. сходится с тактикой борьбы г. Соламахина. Первый говорит о беспартийности и действует на основании „теории эволюции", а второй — в угоду Общ. В. С. и на основании „свободного центра" призывает казаков против ВК: „И не даром наши видные Кубанцы отошли от Пражского вольноказачьего центра, как полков. Федоров" и др. (см. „КК" № 108, стр. 19). Возможно, что Соламахин получал санкции откуда следует, но тем не менее агитацию из-под угла г. Федорова*)-Лантуха против центра ВК я не только знаю, но и имеются данные, в каковых высказывается „недовольство" центром за то, что он, центр, осторожно подходит к некоторым „видным", несмотря на то, что, по понятиям г. Федорова, „все те видные казачьи общественные деятели... являются действительными вольными казаками".

С мест казачья масса наблюдает и видит, что не „все те видные казачьи общественные деятели" являются вольными казаками. Наглядный пример подтверждает, а действия их это тоже: они в одно время являются, яко бы, сотрудниками „ВК", а в то же время сотрудничают в других журналах, чем пробуют связывать ред. „ВК" тою цепочкой, которой „вожди" связывали Казачество с Москвой во время борьбы за самостоятельное право Казачества. Второе: в порядочной семье каждый член семьи живет как семьянин; работает на свою семью; дышет своей семьей; защищает свою семью, не розыгрывая роли блудного сына, особенно в политическом деле и в исключительное время для Казачества.

Кроме этого, они же делят казаков на видных и не видных, на опытных и не опытных, на старых и желторотых. Казалось бы, деникинские рогатки должны были бы научить „опытных", тем более, что результат рогаток на лицо и мы его ощущаем; а если некоторых твердолобых не научили, то пора бы присмотреться к народам культурных стран. Вероятно „опытных" и „видных" казачьих пол. деятелей научил или учит „день русской культуры", но что же делать тем казакам, которых день русской культуры не научил? Допустим, что некоторые „опытные" почувствовали, что казачья масса решила предпочесть вместо „дня русской культуры" набухать вольноказачьим духом так, как набухали казаки в 1918 г. антикоммунистическим духом, восстав против последних без опытных и видных. Последние появились после, когда казачья масса уже была на Казачьем Майдане. Если судить по номерам жур. „Кав. Каз." №№ 107, 108, и 109., то впечатление получается от „опытных" и видных такое же, как и в 1918 г. Как бы испугавшись, что казак заговорил в защиту себя казачьим языком на страницах своего казачьего журнала, „опытные" спешат пред'явить свои требования на командную высоту над казачьим словом, как они пред' являли свои требования на команду в годы восстания.

Опыт прошлых лет казаки должны учитывать и строющийся казачьими руками Казачий Корабль охранять от некоторых „опытных", иначе снова казачья масса будет плавать по всем морям и по всем волнам.

Не зная, как сокрушить казака и отнять у него право голоса на страницах казачьего журнала „В. К.", г. Соламахин обзывает казаков зеленою молодежью, а г. Макуха желторотыми. Эх, „опытные и „видные", Соламахины и Макухи, родовой культ казачки матери и казака отца в забытьи вы оставили, а он говорит, что всякий казак, достигший совершеннолетия, имеет право голоса на Казачьем Майдане. Очевидно исторические права казака на Казачьем Майдане г. г. Макуху и Соламахина не итересуют.

„Опытные" единонеделимцы режут казакам глаза тем, что им нужны казаки для той или иной холопско-челобитной работы и для „кровной России". Они —„опытные", приступая к казачьему об'единению, ведут его обязательно под флагом „вольно-казачьей старины", но всегда устанавливают „цепочку", чтобы потом по ней привести казаков на поклон Москве.

*) Секретарь „Союза Куб. пис. и журналистов".

В 1917 г. Н. Мельников, будучи председателем Дон. В. Круга, производя свои политические опыты на В. Круге и прикрываясь вольностями седой казачьей старины, устанавливал „цепочку" с Москвой (См. „Дон. Лет." № 1, стр. 16—42). В те времена „цепочка" Н. Мельникова обошлась очень дорого, так что вообще все Казачество побагровело.

В 1918 г. г. Харламов с Красновым тоже прикрывались от казаков вольностями седой старины (См. „Дон. Л." № 1, Основные законы и „Д. Л." № 3), устанавливая связь через Деникина и „Освaг" с Москвой. Цепочка Харламова с Красновым донцам обошлась не дешево: потерей молодой армии и отходом за Донец.

И третья по счету цепочка, цепочка ген. Богаевского с Харламовым еще не закончилась и знаем, что ей цены нет и не знаем сколько она еще будет в будущем Казачеству стоить.

Подводя общий итог сцепления ветродуев, которые, будучи в Р. Краях, вместо того, чтобы защищать их, плавали по всем русским политическим волнам и ветрам, потому что не имели гражданского мужества командовать своей собственной головой, а поэтому устанавливали „сцепление" с русскими „опекунами".

За границей, мы, казаки, наблюдаем ту же повторность у „вождей", которые вместо того, чтобы защищать Р. Края, плавают двенадцать лет по всем русским об'единениям, розыскивая казакам опекунов. Они учитывают, что казаки дорожат Вольным Казачеством, а поэтому некоторые из тех же каз. вождей от имени „Об'единенного Совета Дона, Кубани и Терека" говорили казакам: „Заветы седой старины свято чтутся Казачеством. Вольное Казачество живо" (Осн.: см. Инф. Листок Об'ед. Сов. Дона, Куб. и Тер. № 8 стр. 3 от 1924 г.) Достигнув предварительного об'единения казаков в Казачьем Союзе, донские „вожди" рассыпались в дробь. Н. Мельников, эволюционируя по своей цепочке, „повел" казаков на челобитную к г. Милюкову (см. „Пос. Нов" № 3324, стр. 4, письма и телеграммы), а ген. Богаевский в Общ. В. Союз, против которого он будировал казаков в 1925 г. (см. „РК" № 8, стр. 4 от 1930 г. и „Инф. Лист." № 11, от 1925 г., стр. 6).

Такое же явление и у куб. „вождей", которые об'единяли казаков под флагом „Вольная Кубань" (см. жур. „Вольная Кубань") и потом по „цепочке" сдали кубанцев под опеку того же „Общ. В. Союза: „Да. Наш бывший и будущий"... (См. „КК" № 108, стр. 17 от 1932).

Заканчивая краткий цикл цепочек и параллелей, необходимо отметить, что порою каз. „вожди" не прочь обвинить за свою эволюцию казачью массу в большевизме и, обвиняя казаков, „вожди" требуют к себе доверия и уважения!

„Обвинительные акты" „вождей" ставлю по порядку: 1. Ген. Богаевский: ... „подобно тому, как это делали большевики в 1917 году..." (Осн: см. „РК" № 10 и 11 от 1931 г., стр. 5); ген. Науменко: „В своей работе они прибегают к тем же приемам, какими пользовались большевики в 1917 году" (Осн: см. „Кавк. Каз." № 108, стр. 1 от 1932 г.); 3. Н. Мельников: „Подобные заявления все мы уже слышали от группы трудовых казаков в конце 1917 г." (См. „РК" № 8, 9, стр. 38 от — 1931 г.); 4. В. Харламов, бывший Предс. Дон. В. Круга, на публичном собрании в Париже, отвечая оппонентам, „указал собравшимся казакам на митинги 1917 г." (см. „ВК" № 102 стр. 13 от 1932 г.).

Трехлетняя кровавая цепочка „вождей" эволюции привела к тому, что ген. Богаевский вынужден формировать новое казачье войско под названием „Союз русских казаков", записывая остатки казаков „в казачье сословие" (См. „Пос. Нов." № 4078 от 1932 г). А двенадцатилетний практический их стаж в эмиграции и их защитников и приверженцев без конца приводил казачью массу под покров русских „опекунов" и в результате — нуль.

По понятиям пишущего эти строки, что бы в будущем от этих лиц или их приверженцев не исходило, скажем, в виде нового казачьего об'единения под новыми соусами или возможно „обещаемых" Каз. С'ездов, — участия в них **не принимать**, ибо мы, вольные казаки, **должны знать о Доме своем.**

Перехожу к аналогичным „видоизменениям“, которыми занимаются ныне невольные наследники вышеуказанных „вождей.“

Полк. Елисеев, эволюционируя по своей „цепочке“, морально сдал свою организацию „Об. Рев. Кубани“ в Общ.-В. Союз тем, что не мог избавиться от саморекламы в жур. „Часовой“ № 32. Самореклама вышеназванного лица потянула за собой и „Союз Кубанских писателей и журналистов“, т. к. последний (Союз) сотрудничал в журнале „Кубанское Казачество“. По этой причине было предупреждение со стороны ред. „ВК“ № 101, на котором г. Макуха в жур. „КК“ свой „зуб“ сломал. „Основания“ у г. Макухи шатки, а если к призыву г. Макухи добавить то, что он сотрудничает в том журнале, из которого на „ВК“ больше всего льют грязи, то станет ясно, что г. Макуха лукавит.

Пищущий эти строки — желторотый, которому стучит под сорок лет, „страшно“ сожалеет, что г. Макуха обозвал казачью „молодежь“, давно достигшую совершеннолетия, желторотыми: „Вы думаете, что мы, проливавшие кровь за родные края, не имеем право или без вас, желторотые, не сумеем потребовать от Войскового Атамана ответа за все содеянное“? („КК“, № 109, стр. 18). Не имея документальных оснований, г. Макуха занялся пустословием в защиту „главы“ и части войсковой старшины. Против последней те же самые „вожди“ обращались в свое время от имени „Об'-ед. Совета Дона Кубани и Терека“ с приветствием „к младшим“ в защиту Вольного Казачества. Слушай, г. Макуха, их обращение: „От всей души мы, старшие казаки, приветствуем младших, идущих нам на смену, — защита вольностей казачьих, продолжение лучших традиций, дело отстаивания самого существования Казачества, будет находиться в надежных руках культурной казачьей армии, знамя казачье будет в руках тех, кто примет его с любовью и, как святыню, бережно донесет до конца. — В темных тучах, заволокших Седой Дон, покрывших Кубань и Терек, блеснул просвет — легче стало на душе. В тяжелые дни лихолетия, когда заколебались многие из старшины казачьей и своими действиями и настроением, означавшими добровольный и черезчур услужливый отказ от защиты достоинства Вольного Казачества и непонимание его традиций, заставили тяжело задуматься над будущим казачьим, студенчество казачье возвысило свой голос. Оно будет поддержано и старшими — отклики мы слышим... Батюшка наш Тихий Дон Иванович вздохнет свободнее; защитники его не перевелись — наоборот, растут, набирают сил“ (Осн. См. „Инф. Листок“, От Об'ед. Сов. Дона, Кубани и Терека, № 8 от 1924 г., стр. 7).

Теперь те же самые „вожди“, которые в 1924 г. обращались к младшим и к казачьему студенчеству в защиту Вольного Казачества, ныне обзывают последних большевиками, а г. Макуха желторотыми.

На основании всего сказанного списываю фотографию г. Макухи со страниц жур. „ВК“ № 29 от 1929 г. за его нетактический поступок по отношению к тому поколению, которое „в тяжелые дни лихолетия, когда заколебались многие из старшины казачьей и своими действиями и настроением, означавшими добровольный и черезчур услужливый отказ от защиты достоинства Вольного Казачества“... **Ив. Скобелин.**

Одно не сказанное слово.

Станичники! наши речи не могут не волновать казачье сердце, ибо они проникнуты сильной любовью к ныне обездоленному Казачеству. Все, что мы говорим, невольно заставляет каждого казака задуматься и самому себе задать вопрос: „Кто я такой? действительно ли я — казак и если да, то как я должен себя вести в это грозное для моего народа время и чем я могу способствовать выходу его из тяжелого положения?“ Там нас буквально уничтожают, здесь мы, будучи в рассеянии по всему миру, растворяемся под влиянием времени и среды в чужой массе. И если глубже вдуматься, мы действительно находимся на грани небытия... И какой же честный казак может равнодушно взирать на катастрофу своего народа, который по своим данным был и есть достоен лучшей доли?... Чье сердце не слышит вопля наших братьев в далеких Соловках, в Тундрах Сибири, в глубине подземелий? Ведь эго вопли с тонущего корабля „спасите наши души“, на которую откликается всякий, кто первый его услышит. Как можно удивляться, как можно не понимать всей горячности и горения вольных казаков, родных сынов Казачества, ежедневно слышащих эти вопли из уст своих братьев, сестер, жен, матерей и отцов? А ведь мы все только и живем мыслью — попасть в свои родные станицы, чтобы зажить снова вольной жизнью, дышать степным воздухом, увидеть свои родные пепелища, своих поседевших стариков. Кто из нас об этом не мечтает?.. Как теперь должен переживать каждый казак, который видит, что эта надежда на его глазах рушится?..

Вот почему мы, вольные казаки, так решительно подняли знамя, которое единственно может спасти нас, и вот почему мы так горячо защищаем нашу идею, ибо чувствуем, что время и обстановка не позволяет Казачеству повторять неудачно пройденное, начинать танцевать от печки, а властно диктует прямо стремиться к единой и конечной цели — к единому и свободному Казачеству. И эту идею необходимо развить здесь, ибо там, мы знаем, что-либо делать нельзя.

Теперь немного разберемся, что делает казачья эмиграция перед лицом смертельной опасности... Казачья эмиграция разбилась на разные лагери. Одна группа, по присущему человеку консерватизму, продолжает жить по старой программе Войсковых Атаманов, т. е. в полной неопределенности ни того, что ему предстоит, ни того, что ему нужно желать и как к цели идти, покорно предоставив судьбе „нести челн по воле волн“ в смутной надежде, что вот воскреснет былая Россия и она нас подберет и к делу употребит.

Однако, такое положение не может удовлетворить всех смелых, наиболее преданных своему народу сынов и жизнь выдвинула на сцену вольноказачье течение, которое за короткий срок об'единило вокруг себя всю сознательную, смелую и самоотверженную часть Казачества. Это явление, однако, не заставило задуматься наших бывших вождей, они не вздумали проверить свои пути, не пожелали учесть своих ошибок, и не нашли они ничего лучшего, как всяческими грязными способами хаять это чисто народное национальное движение, когда не удавалось им просто отрицать наличие такового.

Но мало этого. Есть и еще казаки, так сказать, — печальное наследие прошлых ошибок наших вождей. Это казаки, которые до сего времени не вышли из под влияния русских военных кругов, в подчинение которым в свое время Атаманы отдали казаков. Эти казаки, подчиняясь требованию дисциплины, не могут выявить свою душу, ибо их начальству не душа их нужна, не его мысли и чаяния, а их тела, как солдат в будущем, а пока их руки, как орудие произвоства в настоящем.

Если эти станичники задумаются крепко над своим положением, то все они должны выйти из общевоинского союза, чтобы бороться только за свои естественные казачьи интересы, ибо интересы русских и казаков всегда расходились (как учит наша история), расходятся в настоящем (разные цели преследуем) и будут расходиться в будущем.

Есть еще казаки, которые хотят сразу разрешить два вопроса: казачий и русский, т. е. гонятся за двумя зайцами. Они хотят вернуть русским царя (хотя последние этого и не желают) и от царя уже просить свои права. Это легитимисты. Думка у них простая, ума не требующая, всецело полагающаяся на милость барина за холопскую службу. Роль недостойная и избави Боже Казачество от такой роли!..

Таким образом, перед вами станичники много путей. Куда вы должны пойти, за кем идти, за что и во имя чего??!

Всякому, кто честно поставит себе этот вопрос, станет ясно, что путь у нас у всех один: Это — старый, древний путь казачьей воли и самостоятельности, который в трагические минуты нашей жизни опять засиял перед нами и зовет нас к нашей свободе. Это — Вольное Казачество! Выбора и сомнений быть не мо-

жет. Кто за Казачество, за лучшую долю его, тот за вольных казаков.

Кто за то, чтобы казачество снова попало в кабалу, чтобы оно стало на путь служения чужому царю, чтобы держать его на троне помимо желания его народа, кто за то, чтобы казаки, как милостыней пользовались крохами своих исконных прав, или кто за то, чтобы Казачество совсем исчезло, как „исторический пережиток", тот пусть идет за атаманами, за легитимистами, за миллеровцами и прочими, т. е. за теми, кто на несчастьи Казачества желает сделать личное дело, карьеру, нахватать орденов, чинов и прочих благ... Мы, вольные казаки, зовем вас, братцы, стать под свое казачье знамя, чтобы „в час невзгоды честь свободы" отстояли мы.

Станичники, не надо связывать судьбу эмиграции казачьей и русской. Русские, в результате социальной революции, выброшены своим народом за борт и их удел — не наш удел. Мы — другое дело. Мы в результате военного поражения вытеснены из пределов нашей родины чуждым завоевателем, мы ушли организованным народом Мы поголовно ушли бы, если бы была возможность. Вспомните, как и в каком виде выступил калмыцкий народ с нами. Ведь только плен, истощение средств передвижения, грязь, голод, болезни и море остановили их... Так ушли сербы перед нашествием немцев, так уходили и бельгийцы. Мы, как и эти народы, вернемся в свои земли и нас, наши там оставшиеся, с нетерпением ждут...

И пусть русские на нас не обижаются; долго они нами пользовались и теперь, когда они сами зажгли пожар, то должны мы с в о ю хату пытаться отстоять.

Итак, теснее смыкайтесь, братцы, в единую семью, вокруг спасительного знамени казачьей свободы — Вольного Казачества!..

П. Зрянин. (Югославия).

С. Балыков.

Изощрения недругов В. К-ва.

Известно всем, что во всех видах борьбы человека с человеком одним из излюбленных и действительных средств считается разрушение у противника его орудия борьбы.

В нашей идеологической борьбе главным нашим оружием является печатное слово. Нашим правдивым и искренним словом, нашим притягательным лозунгом мы все шире и глубже проникаем в сердцевину казачьей народной массы, над которой, как черный ворон, начинало уже витать гибельное неверие и падение духа.

Всех оттенков враги наши, не имея с чем идти к казачьему сердцу, тщетно борясь с нами, поочередно падают и умолкают, ибо на поле печатной пропоганды нет у них равноценного с нашим оружия — правды.

Покуда у нас были враги, которые на нашу пропаганду идеи свободы и самостоятельности пытались противопоставить свою идею подчинения Казачества соседу, нам не о чем было беспокоиться, так как неумелый враг своими действиями только усиливал нашу позицию.

Но, как во время войн улучшаются, совершенствуются всевозможные орудия истребления человека, так и здесь — в ходе словесно-печатной борьбы — враги изощряются в средствах.

На смену разбитым нами противникам выплывают новые, с новыми методами борьбы.

Так напр., на смену умолкнувшим Богаевско-Мельниковым, Харламово-Сидориным и на помощь выдыхающимся Науменко-Соламахиным, выплывает на сцену шутовствующий, на первый взгляд глупо хулиганствующий „Казачий Набат", достойное дитя своего родителя...

Идея его, как и у первых наших врагов, убога: казакам быть рабами, опричниками, янычарами у дома Романовых (если он займет обратно трон) и получать от него право на существование и полувладение своим добром, если от них, казаков, и от него, добра, что останется после большевицких опытов и последующих платежей по революции для восстановления единой и неделимой.

Если бы эта идейка проповедывалась просто и открыто, т. е. прямо противопоставлялась нашей, то и тут нам не стоило бы обращать вчимания на этого комара, вылетевшего из гнойного навоза, так как идея абсолютного и рабского подчинения народа одной личности никогда не пользовалась сочувствием здоровой народной массы, подбирая лишь услужливых, безпринципных „кар'еристов" из худшей части человеческого общества, независимо от образования и положения.

Но „Казачий Набат", по своему внутреннему содержанию (по составу сотрудников) бедный, пустой и ничтожный, ведет борьбу иными путями и средствами, на которые надо обратить внимание. Многие из вольных казаков считают Чапчикова просто дурачком и недостойным внимания, но я с этим не согласен. Чапчиков, хотя часто и производит такое впечатление, но не такой уж дурачок и знает, что делает.

Так напр., зная свое полное бессилие в борьбе с вольноказачьей идеей, он избрал мишенью своих насмешек в хулиганских фельетонах и лживых сообщениях только работоспособный центр, а главным образом руководителя и редактора, потому, что „он видит, что Билий способен что-то делать" (слова Чапчикова. СБ).

Но самое интересное не это, ибо в попытках опорочить и загрязнить нас, людей работающих при центре не отстает и Соламахин. Большого ума, видимо, это не требует.

Я прошу вольных казаков обратить внимание на следующее: Зачем Чапчиков заполняет страницы своей маленькой, ежемесячной листовки сплошной и заведомой ложью?.. Чего он желает этим достичь?.. Ведь для всякого ясно, что печатание лжи, суть которой через несколько времени выяснится, прежде всего вредит этому же печатному органу...

А вот тут и практикуется старый прием борьбы: порча орудия борьбы у противника, в данном случае — желание обесценить печатное слово в эмиграции, уменьшить влияние печати на эмиграционную массу, в том числе и главным образом ослабить влияние „ВК" на казачью массу. Принцип такой: перестанут верить мне, но, может быть, и вам.

Недоумевать тут нечего. Дело в некоторых случаях может быть так: прочтет казак раз Чапчиковские брехни, сперва они забавными покажутся, а кто и просто поверит, потом увидит, что все это было ложью; потом прочтет еще номер с новыми измышлениями, а потом все это лганье опротивеет, а какой нибудь экспансивный и крикнет в сердцах: — А ну вас... все они брешут и морочат нам голову!..

И опять загрустит опустевшая казачья душа и начнет сильнее грызть его тоска по родине... Если это произойдет хоть с десятком казаков, цель „КН" будет достигнута.

Развращение казачьей печати в эмиграции — вот, по моему, единственная задача Чапчикова, откуда то, от кого то ее получившего.

Сюда нужно прибавить те мифические „500 кр", которые, якобы, пожертвовали несколько казаков в одной „деревне" после его доклада, и те 10·000 крон, которые ему, будто, пожертвовали какие то чехи, то картина получается довольно мрачная.

Казаки, в одиночку работающие по чешскими сельским хозяевам, так плохо живут и получают такое мизерное жалованье (100-200 к.), что о жертве пятью казаками 500 кр. может говорить только большой циник. Принимая во внимание бережливость чехов, большую безработицу в стране и охлаждение всех слоев населения к „русскому эмигрантскому делу", особенно к монархическому, не приходится сомневаться и о тех 10·000 кронах...

Смотрите, казаки, читайте, разумейте и не забывайте — кто к чему зовет и где — ваш интерес.

Г. Гнату Шевелю (Макухе).

В журнале „КК“ № 8(110) помещено обращение Гната Макухи к станичникам Брюховчанам с призывом „быть казаками“.

Мы, брюховчане, с недоумением прочитали статью Шевеля. Неужели нас кто то без нашего ведома лишил или хочет лишить казачества? Так это же невозможно: настоящий казак не перестанет быть казаком, а тот, который называет себя казаком, но казачьей души не имеет, он и теперь уже не казак, для нас это все равно, что мертвец. Неужели мы не доказали перед родным Краем, что мы были и есть казаки? Неужели это г. Шевель вдунул нам душу казачью, влил нам нашу кровь? Но мы знаем и без Шевеля, что в нас течет кровь казачья, кровь наших отцов, дедов и прадедов — славных Черноморцев — потомков славных и вольных Запорожцев.

Теперь г. Шевель куда то нас призывает, а куда и сам еще не знает... Да разве мы, брюховчане, не доказали свое казачество? разве мы не выполнили свой казачий долг в 1918 году и разве не выполняем его до края теперь? Когда Шевель задерживается большевиками в ст. Тимошевской и где-то спасается, казаки брюховчане свято исполняют свой долг: они оберегают вверенные им казачьи святыни, не отдают их и продолжают бороться с большевиками, организуют восемь сотен и твердо помнят заветы своего старшины — своего станичника — известного всему Кубанскому Краю есаула К. Л. Бардижа.

Казаки вериди есаулу Бардижу как казаку, почитали его как старшину, исполняли его заветы и все, как один, отозвались на его призыв, став на защиту родного Казачества. Часть казаков ушла защищать свой центр — Екатеринодар, а остальные стойко защищали свою станицу от навала большевицкой орды, разоружали большевиков целыми эшелонами. Но ватаги врагов превышают наши силы; они занимают Екатеринодар и наваливаются на нашу родную станицу.

В июне 1775 года генерал Текелей атаковал Запорожскую Сечь и разорил ее, бо „так схотілось Катерині, щоб козаки в ярмі ходили...“ Но не все Запорожцы сдались: около 5000 казаков под водительством Ляха успели пробраться в Турцию...

Так же и брюховчане в 1918 году не сдались и не подчинились снова навалившемуся лаптю. Несколько сот казаков решили уйти из станицы и продолжать борьбу до конца; они выступили из станицы целым отрядом: пехота под командой хорунжего Яковенко, а кавалерия под командой сотника Цокуренко. Станичный атаман был в то время при Правительстве. Вышли мы, посмотрели на родную станицу с бугра, тай заспівали пісню:

Зажурились Чорноморці, що нігде прожити,
Гей, гей, — усилився вражий москаль, вигоняє з хати...

Ой, годі ж вам, Чорноморці худобу плодити,
Гей, гей, запрягайте воли в вози, йдіть за Кубань жити.

Йідуть, йідуть Чорноморці — назад ноги гнуться,
Гей, гей, як поглянуть в рідний Край, з очей сльози льються.

И пошли брюховчане за Кубань на соединение с ген. Корниловым, а потом и со своей Кубанской армией, пошли в Ледяной поход. Кто же дал наибольше жертв в Ледяном походе, как не брюховчане? А разве лучший сын Кубани — есаул Бардиж, погибший геройски со своими сынами, подобно Тарасу, за волю и честь Казачества, — разве он не брюховчанин?

По примеру брюховчан и другие казаки стали подниматься на защиту Казачества и удалось таки освободить родную Кубань. Но только мало брюховчан вернулось домой; многие и многие полегли смертью храбрых за волю и честь Казачества. На смену уставшим первопоходникам идут опять сотни брюховчан, чтобы защищать свои семьи, свои курени.

В короткое время Кубанский Край был освобожден, казаки свободно вздохнули, но не надолго. Опять появились новые „хозяева“ и стали проявлять свою власть; опять погибают от руки врагов лучшие сыны Кубани, казачьи старшины — Рябовол и Кулабухов, которым казаки доверили свою думку. И казаки заволновались, заколыхались, увидя, что опять издеваются над их волей и честью, и задумались как защищаться и от кого. Только скоро мы очутились заграницей.

Мы предполагали, что уже погибли, но к нашему удивлению встречаем здесь своих же казаков, которые живут здесь уже сотни лет и без запинки говорят нам: „Да, мы — казаки такие же, как и вы“. Мы невольно задумались — откуда они, кто гнал их сюда и за что? И вспомнилась песня:

Що діється тепер в світі
І чії ж ми діти?

Видно, что мы, казаки, здесь не первые и что Казачество не впервые гонимо. И мы, казаки-брюховчане, по примеру своих собратьев открыто и смело говорим: „Да, мы — казаки и идем туда, куда нас ведет наша чисто казачья душа“.

Слушаем, что делается там, у нас на Родине, и видим, что готовится тут, заграницей; там — „стріляють и вбивають братів без пощади, наш рідний Край розоряють“, наших отцов и братьев оставляют без крова, морят голодом в Сибири и на Соловках, а многие сложили свои головы Бог ведает где. Козацвто гине. Казачество истребляют. А тут, заграницей, нас снова тянуть в ярмо. Опять гнет и издевательство! Казак на последнем счету, а первое место занимает орловец или тамбовец: ему и пособие, ему и учение, ему все. Если бы ты не был Саратовской станицы, говорят казаку, а был бы Саратовской губернии, то твоих детей тогда можно бы было принять в кадетский корпус. Вся беда, что ты казак. Одним словом, куда ни повернись — кругом оказывается казак виноват, и за то, что не взял Тамбова, и за то, что не освободил Москвы. Ну, а тамбовцы и москвичи-те ни в чем не виноваты: они всегда правы. Разве они обязаны себя освобождать, когда на то есть батраки-казачки?

Мы, казаки, обращаемся к своим казачьим старшинам за советом, за помощью, а часто и сами даем им в нужное время свою лепту и получаем только уклончивые советы, а то даже и горькие упреки. Чем же эта старшина чванится? Що добре ходе в чужім ярмі, в чужім жупані?

Много мы пережили и перенесли в прошлом и переносим в настоящее время и видим, что нам путь один: свой казачий путь, за который боролись наши деды и отцы, за который боролись и мы сами. Так будем же за него бороться до конца-краю!

Как наши отцы и деды, так и мы, брюховчане, будем честно бороться за волю казачью, будем всегда бороться так, как когда то боролась наша родная станица Брюховецкая.

И помните, дорогой станичник г. Шевель, что для нас очень дорога честь нашей станицы и еще дороже нам честь и слава казачья и будем мы до крайности за нее бороться. Мы пойдем своим казачьим путем и не станем вилять хвостом и прятаться в разные кусты.

Брюховецкого куреня казаки: *И. Сурмак, А. Дейнега, А. Настич, Ив. Носак.*

От редакци.

Убедительная просьба ко всем, обращающимся за тем или иным в редакцию или посылающим деньги — все равно: подписку или в фонд С'езда, — всегда сообщать точный свой адрес, написанный четко и разборчиво.

Ответ генералу Науменко.

(Письмо в редакцию).

Милостивый Государь, господин Редактор!

Будьте добры поместить на страницах Вашего журнала это мое письмо для опровержения лжи, напечатанной в „КК“ по поводу инцидента в г. Крагуеваце.

Принимая во внимание распоряжение Кубанского Атамана ген. Неуменко, данное телеграммой г. Чекину, о сдаче им должности хуторского атамана и принятии таковой господином Кануковым, я, в силу необходимости, должен выступить против такой несправедливости и заявить, что ген. Науменко не на своем месте. Это я теперь скажу Вам, госп. генерал, и прямо в глаза, если только когда встречу. За такое „правосудие“ простить Вам никогда нельзя, ибо Вы не малый ребенок и не простой чабан безграмотный, а генерал генерального штаба.

Правильно ли Вы поступили? Нет! Вы поверили доносам двух-трех человек и устроили свой суд. Праведный судья так не разбирает дело; он выслушивает сначала обе стороны и тогда решает. А вы умышленно обошли такой порядок. Вот, значит, какому „патриоту“ мы доверили свою судьбу; вот, значит, как Атаман убегает от правды казачьей, от наших старых обычаев. Вы, совершенно забыли про то, что никакого права не имеете назначать казакам атаманов: их всегда казаки выбирали сами, даже и при царях. Ваше дело утвердить или предложить произвести новые выборы и если опять избрано прежнее лицо, то Вы должны с волей казаков согласиться, а не идти против них. Так мы, казаки, это понимаем, а Вы, между прочим, всунулись не в свое дело и теперь приходится писать Вам такие вещи и напоминать Вам, ученому человеку, такие простые правила казачьей жизни, которые известны всем казакам и не ученым, потому они — наша жизнь, наше исконное право, не Вами установленное, а нашими прадедами еще сотни лет назад; их и надо держаться нерушимо.

Когда же Вы перестанете воображать себя каким то царьком и прекратите назначать в станицы наказных атаманов? Вы забываете, что Вас то самого избрали не „московские казаки“, а кубанцы и не для того, чтобы Вы насиловали их волю и издевались над дедовскими обычаями.

Вы поверили лживым людям, а если Вы честный человек, то послушайте и меня, простого казака. Ваш наказный атаман Кануков поступает так же несправедливо, как и Вы. Для того, чтобы хотя приблизительно получить голоса во время перевыборов, он первым делом обратился не к хуторянам, а набрал компанию на стороне и ввел их в хутор, причем не допустил до обсуждения вопроса — желают ли хуторяне принять некоторых лиц, которых мы знаем с нехорошей стороны. А затем постарался сделать так, чтобы из хутора часть его прежних членов ушла и, таким образом, остались только его сторонники да вновь набранная компания. Ушел А. Чекин, ушел я и за мной еще человек 6-7 казаков. С поведением г. Канукова во время сбора не согласился также и присутствовавший полицейский чиновник. Так что, г-н Атаман, А. Чекин сам ушел из хутора, а не Кануковы его исключили, как Вы там пишите в своем „КК“. Вы больше верите тем, которые Вам врут, вроде Канукова и капитана Рожен, которые иногда не прочь вогнать казака и в кандалы или лишить куска хлеба только за то, что он казак. Помочь казакам г. г· Рожены отказываются и даже стараются сорвать те собрания, которые назначаются с целью оказания помощи своим братьям, как то было с двумя прибывшими безработными из Кральева, а на заводе, пользуясь своим положением, распускают про казаков разные нехорошие слухи, чтобы их утесняли и лишали работы. Когда же им нужно что нибудь провести, они устраивают незаконные сборы, набирают посторонних людей и совершенно не считаются с тем, что из 36 хуторян на обсуждение вопроса соглашаются только 9 чел., т. е. только свои сторонники.

Вот эти господа и написали на казаков три доноса: один управнику завода В. Т., другой председателю русской колонии ген. Алексинскому и третий Вам. Вы наверное остались довольны и может тоже приложили руку к тому, чтобы с завода уволили Чекина и оставили его с четырьмя детьми и семьей без куска хлеба. Это того самого Чекина, который вместе с нами старался собирать Вам деньги в фонд освобождения Родины, деньги, которые Вы записали не на Войско, а на свой личный счет — на В. Г. Науменко.

Но это хорошо, что напали на такого крепкого сердцем человека, как Чекин, а другой бы на его месте поступил иначе, не постеснялся бы расправиться с виновниками своего несчастья. При таких обстоятельствах для нас, казаков, ничего не остается, как защищаться только силой против силы. Не всегда коса ровно косит траву, иногда она наскочит и на камень. Это надо Вам, г. Атаман, тоже помнить. Вы забыли те дни, когда на Кубани начались насилия и что из этого вышло потом?

Затем, господин Атаман, несколько слов о венке. Кануков и компания сообщили Вам неправду, а Вы, не разобравшись, все это написали в „КК“. Готовясь к этому торжеству, Кануков не оповестил своевременно казаков, чтобы это дело как следует решить сообща и даже не предупредил своих сторонников, иначе получилось бы совсем другое дело. Кануков некоторым сказал. что венок будет общий — от русской колонии — и на нем напишут: „от Русской колонии и Казаков“. Это была только уловка. Русские хотели, чтобы их венок был возложен казаком, одетым в полную военную форму, т. к. свои формы они не берегли и все порастеряли. Эту роль услужающего взял на себя В. Курочкин, но так как сам то формы казачьей не имел, а казаки ему не дали ни шашки, ни др. вещей, то и явился на торжество в гимнастерке. Перед этим же обнаружилась ложь Канукова: в магазине казаки увидели приготовленный венок и убедились, что на нем нет надписи „и от Казаков“. Это многих возмутило: как же так — деньги собирали казаки, а на венке будет значиться только русская колония. Вот тут инициативная группа и предложила казакам купить свой казачий венок, на что все охотно согласились и мы собрали деньги и купили за 500 динар венок. Никто г. Курочкина не обманывал и не говорил, что венок будет от хутора, а сказано ему было, что венок будет возложен от имени казаков, на что он сейчас же охотно согласился.

Тем, что мы возложили венок от имени казаков, мы нисколько не оскорбили Югославянский народ и крайне удивлены Вашим выступлением. Если надпись на венке не понравилась русским, так это ничего не значит, они вообще ненавидят казаков и не переносят хладнокровно самое слово казак. Но Вы же, г. Атаман, называете себя казаком и не стыдитесь этого, а тут вдруг чего то испугались и начали печатать всякую клевету на нас. Вы же сами знаете, какие для нас доброжелатели русские, и знаете, что мы — вольные казаки — боролись и боремся за свое национальное дело, значит мы националисты; так и на венке написали, не видя в этом ничего позорного. А вот позорно, когда Вы называете себя казаком, а боретесь против Казачества за чужой интерес; пристаете к единой-неделимой, как репьях до конского хвоста. Помните, что такие репьяхи не долго держаться: раз-два конь хвостом махнет и репьях отскочил. То же будет и с Вами, когда русские используют Вас для себя. Будете кусать локти, да будет поздно. Так и знайте — москвичи да туляки Вас своим атаманом не выберут, т. к. у них и своих кандидатов из немцев некуда девать, а мы, кубанцы, своей судьбы недобросовестному человеку другой раз не доверим.

Ваш сотрудник г. Соламахин тоже цепляется репьяхом за О-Воинский Союз, а раньше, когда я приезжал в 1927 г. в Куб. Канцелярию за получением документов об образовании, то он при мне, беседуя с пожилым казаком, на чем свет стоит костил русских и русское Правительство за то, что они насиловали казаков и особенно препятствовали им учиться, чтобы мы оставались непросвещенными и было бы легче на-

ми распоряжаться. Тогда Соламахин был ярым вольным казаком, теперь он красится на монархиста.

Перекрашивайтесь в какой хотите цвет, служите по холопски кому хотите, а только нас, казаков, в это грязное дело не путайте и насильно не тяните: мы как раньше были казаками, так и теперь хотим оставаться только казаками, как бы Вы на нас не клеветали и какими бы позорными именами русская история нас не называла. Придет время, а оно уже недалеко, когда все узнают правду и тогда нельзя будет издеваться над казаками, потому что это поймут и иностранцы и перестанут верить русской брехне, какую и теперь распускают про нас всякие господа Вербицкие.

Напр., после возложения венка один серб подошел к г. Вербицкому и, показывая на статного кубанца в черкеске и при оружии — Ивана Иконникова, спросил его: „Братушка, а какве су то люди козаци, комити или шта су они?“ А г. Вербицкий, кадет кажется Крымского корпуса (с ним я учился на русско-браварских курсах), и отвечает сербу: на нийе ништа, тосу разбойницы“. Стоявший сзади казак не утерпел и придрался к Вербицкому за его слова и даже пригрозил ему за распространение таких слухов...

А то еще так об'ясняют русские сербам происхождение казаков: „коя девойка роди мужско дете онда, од оног детета постае козак, т. е., козаци, — копильяци“ или по русски — незаконнорожденные, ублюдки. Значит и Вы, г. Атаман, по мнению русских, тоже ублюдок, т. к. называетесь казаком. Вот оно что!

А вы все таки лезете, сами навязываетесь насильно этим лаптям, которые сами себе никогда не могли дать порядка и толку, а на всех стараются плевать и загребать жар казачьими руками. Они и понятия не имеют о воле; они привыкли, чтобы на них кто нибудь всегда ездил верхом, да еще втягивают в свое быдло и других. Спросите у них, г. Атаман, куда они с самого начала ездили за порядками, как это они кланялись варягам и просили: „Прийдите княжити и володети нами“. Так с тех пор и до сего дня кто нибудь чужой и „володеет“ ими: раньше варяги, половцы, хозары, татары, потом пошли курляндцы, лифляндцы и сплошные немцы — Бироны, Фридериксы, Остен-Сакены, Лихтенберги, а за ними приползли Бронштейны, Нахамкесы, Когановичи, Ципировичи и так далее, потом Дзержинские, Петерсы Бела Куны, Радеки и, наконец, появилась новая, кавказская династия — Орджоникидзе, Сталин-Джугашвили и т. д. А заграницей русскими „володеют“ на правах самодержавия Миллеры, Дитерихсы, фон Лампе, Штрандманы, Пильцы им же и счета нет. А вот наши прадеды, пока их не предали из за личных выгод вот такие русапеты, как вы г. Атаман, никому не кланялись и как жить — у Москвы не спрашивались и не было у них на атаманских постах ни графов Граббе, ни Филипсонов, никаких других „сонов“ и „опричов“.

Не успело Казачество восстановить свою независимость, как опять со всех сторон поналетали коршуны и наши же, свои выборные Атаманы один за другим спешат преклонить свою голову этим Миллерам, „манам“ и „зонам“.

Где же Ваша совесть и честь казачья? Какие же Вы после этого казаки, что хотите добровольно надеть себе чужой хомут и вогнать в него насильно всех казаков? Кто Вас на это уполномачивал? Нет, господин Атаман, если лев после клетки, да вырвется на свободу, то его трудно опять загнать за решотку, а не дай Бог капнет кровь, тогда растерзает всех, кто только попадется...

Когда Вы приезжаете к нам, г. Атаман, то говорите ласково одно, а потом делаете совсем другое. Раньше мы Вам верили, как отцу родному, думали, что Вы свой, казак, а Вы оказались хуже чужака. А как мы старались Вас поддержать! А теперь казаки все поняли и со стыдом отворачиваются от Вас, как от предателя казачьих интересов. Пускай теперь Вас поддерживают те, что Вас обманывают и шлют Вам ложные письма и доносы; они Вам скоро вотрут очки и Вы увидите — куда сами зашли и хотите столкнуть других казаков. Вы уже московской политикой готовите казаков к междуусобной войне русских с русскими, а теперь еще своим попустительством и покровительством провокаторам позволяете угнетать казаков и лишать их работы и хотите, чтобы поднялась война между самими же казаками, как будто Вам мало той казачьей крови, которая уже имеется на Ваших руках. Что ж, делайте свое дело, но помните, — что сказал Господь: „Какою мерою будете мерять, такой и Вам отмерится“. На насилие люди всегда отвечают насилием. Нехорошее это дело и не даст Вам Бог счастья и добра. Вы отвернумись от казачества и пошли на чужую дорогу. Это Ваше дело, но казаков тянуть за собой силой Вы не смеете. Пусть идут за вами добровольно те, которые льстят и клевещут Вам; они же Вас и предадут на позор и несчастье. Нас же Вы теперь не обманете и никакими ласками на чужую кровавую дорогу не заманите.

Дорогое и славное Казачество! Пора уже снимать московские очки и смотреть на правду своими собственными глазами. Просыпайтесь, казаки, и куйте свое счастье сами, на русских ковалей не надейтесь: они не имели и не имеют своих кузнецов и без чужого ума никогда не обходились, а чужой ум — вещь понятная — добра не жди.

Пришла пора сплотиться в дружный стан для борьбы за вольность, рыцарскую славу, за дом отцов, за жизнь детей, за честь сестер и матерей, за могилы наших предков. За казачью Правду на бой спешите буйной лавой! К заветной цели поспешайте, плотней ряды свои смыкайте! Довольно быть российскими „ублюдками“, надо поскорее стать вольными казаками!

Бог не без милости, — казак не без счастья. Будет и у нас своя Родина — Казакия. И чем скорее сплотимся во едино, тем скорее достигнем ее. Дай Бог здоровья и сил всему славному Вольному Казачеству и всем борцам за казачью Правду!

Крагуевац. 5-9-1932 г. Вольный казак **Иван Билоус**.

Близится день 5 октября (18-го по новому стилю) — день тезоименитства покойного цесаревича Алексея. Вероятно все „русские казаки“ и их вожди будут, по примеру прошлых лет, праздновать и в этом году „Войсковой праздник“ Дона и Кубани.

Напоминаем всем казакам, что день 18 (5) октября — праздник единонеделимцев из казаков. Ничего казачьего в этом дне нет.

Считаем не лишним припомнить, что этот же день 18 (5) октября был праздником и старой русской полиции.

Полиция и казаки — распоряжением старого царского пр-ва — должны были праздновать в один и тот же день. Не кажется ли вам, братья казаки, такое „совпадение“ намеренным, характеризующим взгляды покойного царя на казаков, как на всероссийскую полицию?

Те, кто будут приглашать вас праздновать „Войсковой праздник“ 18 (5) октября, те втайне, а иногда и явно мечтают о возвращении Казачества к роли русской полиции.

Хотите ли вы того, братья казаки?

Пусть же 18 (5) октября празднуют только „русские казаки“, только единонеделимцы, только те, кто мечтает о полицейской роли в России будущего, мы же, вольные казаки, будем праздновать свой праздник 10 декабря.

Призыв.

(Письмо в редакцию).

Многоуважаемый г-н Редактор!

Не откажите в любезности поместить на страницах Вашего журнала несколько моих скромных слов.

После крымской эвакуации, после неудачной борьбы с большевиками, наше славное Войско сложило свои знамена, будучи волею судьбы разбросано по всему земному шару. Кто где и как мог, так и устраивался, дабы начинать новую эмигрантскую жизнь. Казалось тогда, что казаки под давлением обстоятельств забудут не только свои знамена, но даже и свой Край, если не захотят преклонить головы своей перед красной звездой...

Все же, несмотря на трудные условия жизни, казаки не пали духом, не потеряли любви к своему ближнему. Каждый из нас болел душою за тех, с которыми жертвовал свою жизнь на благо казачьего народа; хотелось знать, где же они все теперь? Не пришлось долго блуждать во тьме: появилась наша печать.

Вновь воодушевились казаки и, как зарей перепела, стали перекликаться с востока на запад и с севера на юг. Радости не было границ, когда попадалась в руки казачья литература. Рождался журнал за журналом и летел по всем царствам, где только есть казаки. Много их родилось, много и отжилось. Из старших по возрасту в живых остались только два: первый — „КК" и второй „ВК".

Я с большим удовольствием прочитывал первый; встречал там кучу новостей, приказы В. Атамана, узнавал о жизни казаков в других державах, читал сведения о прошлых казачьих временах и т. д.

Случайно попалось ко мне и „ВК". Я просто сам себе не верил, что есть и у нас люди, способные сеять такое семя; способные своими воспоминаниями, стихотворениями и казачьей историей, которая долгое время лежала в глухом месте, освежить, ободрить казака, укрепить его веру и надежду в новое воскресение угнетенных казачьих земель...

Для меня лично всегда казалось и теперь кажется, что журнал „ВК" является самой насущной духовной пищей.

Безусловно, большинство казаков прочитывало его охотнее, чем остальные журналы, не отбрасывая и их.

В последнее время с прискорбием приходится наблюдать переворот в казачьей литературе, превратившийся в неугомонную ссору. А ведь это не к добру, а на радость нашим недругам. Стараются один одного получше оскорбить, унизить, обесчестить. В одном читаешь целую гору неприятностей, направленных в адрес Куб. В. Атамана, в другом обвиняют вольных казаков, сравнивая их с большевиками.

Народившиеся интриги и кляузы больно отзываются в мозгах и я хочу здесь простенько, как понимаю и умею, высказать свое суждение. Коснусь немного личности нашего В. Атамана — ген. Науменко. В журнале „ВК" встречаются статьи, исключительно посвященные ему, в которых в довольно резкой форме обвиняют Атамана за преступления и ошибки перед Кубанским Краем, благодаря чему он обрек казаков и Край на верную гибель.

Я лично не был свидетелем минувших событий и не могу обвинять ген. Науменко в его преступлении, но не могу также быть и его защитником, т. к. время и обстановка не позволяют заниматься пусторечием. Но я все же хочу здесь выразить свое мнение. Я допускаю все ошибки, вольные и невольные, учиненные им. Пусть будет так, как и пишут за него, но тут же хочу спросить всех, кто слышит: Да неужели же г. Науменко на Родине так поступал? неужели не было казачьей интеллигенции, которая бы, обнаружив его нечестные дела, стала бы ему на пути? Да, она была, конечно, но большинство было, позволю себе сказать, политически незрело, благодаря чему Казачеству приходилось быть в тисках; позаботилась ли интеллигенция о политическом и, главное, о национальном развитии казачьего населения? — Нет. Доходили ли специальные уведомления в станицы в дни кошмара в Екатеринодаре? — Нет. А вот если бы большинство нашей интеллигенции обратило свой взор на станицы и хутора, распространяло бы свою печать подобно журналу „ВК", — тогда бы не дошло до разгрома Рады и до гибели Казачества; не сложили бы головы Рябовол и Кулабухов, ибо все казачье население поголовно бы восстало и с дубьем в руках защитило бы свое лицо. Так что пенять на одного Науменко нечего. И если последний в самом деле был причиной гибели Куб. Края, то мы здесь не должны и не имеем права, сидя на чужом загоне, выносить свой суд без ведома Кубани.

Отрекаться от своих убеждений, перекочевывая из одного лагера в другой, подобно Осиекской станице, тоже нехорошо.

В. Ат. ген. Науменко, во время своего последнего приезда в Смедерево, говорил нам, что он политических убеждений никому не навязывает и ни укого их не отбирает. Теперь уже дело идет наоборот, свое покровительство со Смедеревской станицы он снял. Почему, зачто?! — Не знаю.

Ведь мы слышим стоны с родного Края, понятные нам стоны измученных наших родных, которые просят: „пойте там, как пел Рябовол". И мы, слыша их голос, не можем оставаться равнодушными и сидеть сложа руки.

Обвиняют также редакрора „ВК" — Билого за то, что якобы он призывает казаков туда, где фактически кроется гибель всему Казачеству, да к тому же движение ВК как будто большевицкое. Хорошо. Пусть будет так. Но почему же тогда некоторые наши г. г. офицеры имели сношение с „ВК", а многие сотрудничают и сейчас? Разве этого мы не знаем? Мы давно заметили, еще с первого номера и до сего дня, что „ВК" задалось целью сплотить все Казачество в одно целое казачье государство. Ведь полковн. Соламаха говорит сам, что вышел из рядов В. К. лишь потому, что начали касаться личностей В. Атаманов. Я против выступлений в адрес В. Атамана, но менять свои убеждения, мне, простому казаку, кажется неловко.

Далее, в „КК" генерал Шкуро указывает на то, что Билый способен только писать, но защищать Родину не пойдет, потому что не держал в руках шашки. А я сужу иначе. Казачьему воскресению и укреплению казачьих традиций нужен человек политически зрелый и образованный в широком смысле; кто бы этот пост не занимал — Билый, ген. Шкуро или кто иной, независимо от его боеспособности, все равно он, как рулевой казачьего корабля, в атаку не пойдет. Если Билый нехорош — укажите его неспособност, беритесь за дело сами: Казачество просит помощи.

Пора братья казаки, перестать разговаривать резко. Казак казаку должен подать руку и сказать: „ведь мы же братья славной казачьей страны и должны любить друг друга".

Мне кажется, и желательно было бы, чтобы все без исключения хором крикнули; „все казаки — на всеказачий с,езд, чтобы общими силами побеспокоиться о казачьем спасении!"

Распри и скандалы не двигают наш корабль вперед, а скорее сажают его на мель. А там измученные наши братья питают надежду только на нас и полумертвым голосом шепчут: „спасте нас".

Всегда и всюду остаюсь вольным казаком, преданным своей идее, **Яков М. Негреев.** (Лабинец).

12-8-1932 г. Югославия.

От редакции. Помещая настоящее письме, считаем необходимым сказать по поводу затронутых в нем вопросов несколько слов.

Прежде всего — помещаем мы его потому, что весьма возможно, что подобные мысли бродили не в одной казачьей голове. Значит, и по данному вопросу надо высказаться, чтобы все было ясно.

Первое: следует или не следует говорить сейчас вслух о причинах наших прошлых неудач; о том, кто

виновники нашего поражения (хотя бы они и занимали высокие посты)? — Мы говорим, что нужно, иначе рискуем, что может быть повторено то, что уже было, но с худшими результатами.

Станичник Негреев, ведь ген. Науменко не говорит: да, было, но больше не будет, — нет, он говорит и теперь: было и будет так, как было.

Теперь два слова о мире. Помириться, конечно, можно. Но как помириться? — Какой толк будет, если мы помиримся, а тянуть будем в разные стороны? — на второй день все равно же поссоримся и начнем говорить резко... Иное дело было бы, если бы мы все помирились и начали тянуть в одну сторону, начали идти одной дорогой. Но, тут то вот и камень преткновения. Мы, вольные казаки, от своей программы не откажемся и с своей дороги не свернем. Но наша дорога и наши ряды открыты для всякого честного казака, принимающего вольноказачью программу. Значит, кто захочет с нами мириться, тот знает теперь, что он должен делать.

Вместо фельетона.

Удивительная натура у русского человека. Живет долгие годы и никак не может или не хочет понять, что его свои же околпачивают и наживаются за его счет; ему и невдомек, что своим непротивленчеством и покорностью он дает возможность жить за его спиной многим паразитам...

Не буду говорить о прошлой жизни в России. Скажу несколько слов о настоящем. Вот у нас (заграницей) в Болгарии, где эмигранты — русские казаки — влачат жалкое существование, — здесь все как бы по старому. Засели неказаки за большой пирог и хоть бы им что. Даже и в ус себе не дуют, все та же старая матушка Россия. Некоторые из них приспособились так, что умудряются совмещать по нескольку должностей и, конечно, не без корыстия; другие сумели посадить вместе с собою и своих родственников. Натворила заграничная Русь разных союзов и подсоюзов, комитетов, а обратиться за содействием бедному человеку не к кому. Скажем, например, про господина с фамилией небожителя... Он представитель Совета послов и уполномоченный Лиги Наций по делам русских эмигрантов в Болгарии. Должность не маловажная и читатели наверно подумают, что эмигранты в Болгарии счастливцы: живут, как у Христа за дверью — свой защитник! Значит, все у них в изобилии и все у них есть. Да это, пожалуй, верно, да только не у всех, изобилие действительно имеется только у... полномочных и их друзей, а остальным эмигрантам предоставлено полное право бесконтрольно пользоваться болгарским воздухом.

Однажды я обратился к этому господину за помощью и советом. Хотел переехать в Грецию и получил такой ответ: „Если у вас ость кругленькая сумма денег, или богатый дядюшка грек в Афинах, то я с удовольствием похлопочу о вас.“ Ответ вполне понятен, богатому двери открыты всюду, бедному, да еще без родственных связей и без гроша в кармане, очень трудно попасть в страну маслин и фисташек.

Если бы во мне была хоть одна сотая доля греческой закваски, пожалуй, полномочный представитель (имеющий таковой 50%) охотно согласился бы помочь мне. Но вот тут то вся беда моя. Я казак без всяких примесей, а таковым нет места в Греции. С тех пор я к нему не заглядываю. Довольно с меня и одного совета.

Тепер рассмотрим других зубров, бежавших из Российского зоологического сада в Болгарию. Вы думаете, что они — чистокровные русские? Ничего подобного! Они с большой примесью разной закваски. Вот г. Пильц, — он возглавляет в Болгарии около тридцати разных организаций, в том числе и всякие новые, если таковые, появляются на свет Божий. Видите, какая сила! Ведь тридцать организаций, да с таким же количеством подорганизаций это вам не фунт изюму. Попробуйте-ка удержать в руках русскую эмиграцию, — здесь сам черт шею сломит. Но для Пильца это ничего не значит. Он себя чувствует, как во дворце Иркутского генерал-губернатора, даже прибавилось величия, надменности и честолюбия. И, конечно, этот господин не думает уходить со своего поста, так как пирог для него оказался очень вкусным, а эмиграция никчемна и рабски молчалива.

Второй зубр это господин Эйлер, который в прошлом стоял несколькими ступеньками ниже первого, но когда его Керенский возвел в сан комиссара города Москвы, он взлетел тогда выше Ивана Великого, только что пробыл там недолго...

Здесь в Болгарии, будучи хорошим гастрономом и обладая прекрасным чутьем и вкусом, он опять очутился в стане славных за большим пирогом; стал ведать русскими санаториями, где обыкновенно отдыхает 90% русаков; распространил свои полномочия и на несколько других организаций, а самое главное — открыл торговлю швейными машинами, которые были пожертвованы добродушными американцами для русских бедных людей, очутившихся в крайне тяжелом положении заграницей. Эта должность пришлась ему, как видно, очень по вкусу.

И вот наш Аргус под общее молчание начал орудовать. Одни машины давались на прокат, другие просто продавались, при чем купля и продажа происходила часто по цыгански. Торговались, горячились и, наконец, сходились. Свидетелем одной „торговли“ я был сам в его же кабинете, где находились и предметы неоднократных волнений и споров между хозяином и покупателем. При мне продажа почему-то не состоялась и покупатель скоро ретировался, наверно не по его карману пришлось. Меня этот случай чрезвычайно поразил, ибо до этого я только слухами пользовался, что „верхи“ занялись торговлей. Оказалос сущей былью. Если теперь начали спекулировать машинами такие тузы. как бывший городской голова г-н Эйлер, значит капут. Не скоро вернемся на родину. Да и для чего им родина, раз хорошо живется заграницей. Там для них, пожалуй, будет хуже, а здесь можно кое что отложить и запастись про черный день. Эмиграция же пусть себе пухнет от избытка болгарского воздуха.

Третий по счету — его превосходительство г-н Арцышевский. Этот не так знатен, как предыдущие, но все же занимает большой пост; он ведает просвещением русского юношества в Болгарии. Должность, как видите, ответственная и щекотливая, ведь удержать теперешнее юношество в повиновении и заставить его победить науку в 20 веке в изгнании — это уже целая заслуга! Попробуйте воспитать ребенка, когда он с 5-летнего возраста уже смотрит дикаренком! Но, сей герой блестяще справился с возложенной на него задачей: недоучек, Дон-Кихотов и шарлатанов хоть пруди пруд...

Что же касается материального обеспечения себя и близких ему людей в настоящем и будущем, то об этом читатели не должны беспокоиться. Однако, надо заметить, что крепость этих двух столпов эмиграции дала брешь и слава их заметно стала омрачаться. И если, не дай Боже, если эти защитники русской эмиграции в Болгарии уйдут со своих постов, то много будет пролито крокодиловых слез в их память.

Теперь назовем последнего из могикан, г-на Фельдмана. Этот баловень судьбы, одевшийся в тогу фальшивой добродетели, благотворительности и самопожертвования, сумел устроиться так, как никто из простых смертных эмигрантов. Даже лучше, чем богатейшие жители города Софии. Вообразите! Он уполномоченный русского Красного Креста старой организации. Это значит — неприкосновенный и несменяемый. Создатель центрохлама в Болгарии, из которого вот уже несколько лет идет торговля оптом и в розницу американским барахлом. Это устроитель хвостов и очередей в принадлежащем ему складе; виновник и насадитель

настоящей спекуляции, ибо его барахлом набит базар. Он принимает, увольняет и просто в шею выгоняет непокорных ему чинов из подведомственных ему учреждений, ведает русским общежитием (клоповницей), откуда за несоблюдение правил или неуплату за постой каждый русский или казак, все равно, рискует быть выброшенным на улицу в 24 часа, независимо от его ранга и времени года. Торговля в центрохламе ведется идеально. Кто поближе и свой тому вне очереди, получше и прямо из склада, а кто не родня, тем хвост и гнилье.

Теперь вы, братцы казаки, поняли, кто нами управляет в Болгарии?

На родине осатанелый красный интернационал, а заграницей — белый... По их делам судите их, а по фамилиям судите о их национальности. И что досаднее всего, многие поют им дифирамбы и превозносят их добродетели и заслуги. Последнего готовы возвести в герои за... не хочу сказать спекуляцию, но... почти.

Раньше говорили: „Вот если бы не управляли нами немцы, то лучше бы жилось нам". В этом есть глубокая истина, но беда то заключается в том, что русский народ привык, чтобы его стригли. Истинному же казаку от этого должна быть наука.

7-сент. 1932 г. София. **Ф. Е. Бабкин.**

Казачья эмиграция.

На В. К. с'езд.

Поступило: через А. Ленивова от в. к. из Валянса 55 фр.

От А. Кирьянова, В. Еремеева, Е. Кочетова и С. Григорьера 21 кч.

Переслано П. Поляковым (из Белграда) 200 кч, (320 динар).

По Вольноказачьим станицам и хуторам.

Представители В. К. в Югославии наметили целый ряд поездок в провинцию по вольноказачьим станицам и хуторам.

11 сего сентября П. С. Поляков, А. П. Беломестнов, Б. А. Кундрюцков и Н. Ф. Букин на любезно предложенном им автомобиле, владелец которого казак станицы Отрадной, прибыли в Смедеревскую казачью станицу, где и был к моменту их прибытия собран станичный сход.

Ресторан „Каларац" был переполнен вольными казаками и после обоюдных приветствий слово взял атаман станицы Николай Лукич Гнилозуб. Он приветствовал В. К. и провозгласил здравицу Королю Югославянскому Александру I, которую казаки покрыли дружным „живио".

Закончив свою речь, проникнутую благодарностью к югославянам и их Верховному Вождю, Н. Л. Гнилозуб дал слово атаману П. С. Полякову, который говорил о прошлом Казачества, об ошибках и причинах, приведших казаков заграницу. Касаясь настоящего состояния казаков там и здесь, он говорил о возможном нашем будущем, о том, что нужно делать и как делать, чтобы попасть домой.

После Полякова выступил с обширным докладом о государственном строительстве в Казачьих Землях Н. Ф. Букин, который подробно нарисовал все то, чему были казаки очевидцами в 1917-18-19 годах. Докладчик указал, что Россия сама первая об'явила войну казакам, назвав выборного Атамана Каледина „мятежником" и мобилизовав против казаков два своих военных округа. Большевики явились лишь продолжателями войны, а Добровольческая Армия своим вмешательством в казачьи дела отдалила окончательную победу и погубила дело казачьей борьбы. Но война не окончена. Казачество переживает тот же период, в котором были многие изгнанные, но не побежденные, народы. Самый яркий пример — это „Югославянская Голгофа" (остров Корфу), куда спасались остатки сербского народа с Королем Петром. В ужасную минуту разгрома они сохранили всю силу национального духа, их не покинула надежда и с помощью союзников они не только вернулись домой, но и создали Державу, которая по быстроте своего развития стоит едва ли не на первом месте в Европе. История учит, что первое и самое сильное оружие есть духовное единство, второе же — физическая сила.

После Н. Ф. Букина выступил Б. А. Кундрюцков, который в короткой речи сказал следующее:

Нас обвиняют в том, что наши методы есть методы большевиков. Какие же у нас методы? — они в нашей прессе, в живом слове, в работе по распространению идеи В. К. Но ведь эти методы являются методами и наших противников. Они печатают свои журналы, ездят так же как и мы и не стесняются прибегать к иным методам.

Можно прямо сказать, что наши противники пользуются действительно большевицкими методами, не брезгуют насилием, клеветой, предательством и всем, что могут еще использовать перед тем, как сойти окончательно со сцены...

Крики: правильно!.. Долой лгущих нам на протяжении многих лет!.. Долой зло, которое погубило нас...

Атаман Гнилозуб призывает к порядку. Слово берет А. П. Беломестнов.

Дорогие станичники! Моя задача познакомить Вас с тем, что нам необходимо сегодня сделать. Наше движение настолько разрослось в Югославии и столь многих казаков захватило, что мы оставаться уже в том положении, в котором находимся сейчас, больше не можем. Мы должны добиться легализации перед Правительством, защитить себя от нападок со стороны наших противников и в правовом, материальном и других отношениях. Тогда исчезнет последняя тень зависимости нашей от гг. „Представителей" и прочих „вождей", до сих пор не додумавшихся до этого. Мы должны стать открытыми и признанными группами, целым Округом Вольного Казачества в Югославии. Призываю Вас на этот шаг.

Н. Л. Гнилозуб: Прошу высказаться по поводу предложения.

М. Пальцев: Это надо всемерно поддержать. Мы, если захотим, то добьемся своего.

Т. А. Столяров: Станичники... Борьба началась... Если мы крепче будем стоять друг за друга — никто нас не победит...

М. Пальцев: Даю на организационные расходы пятьдесят динар...

И. Кошкодаев: Я — двадцать...

И я, и я, и я...

На стол посыпались деньги. В каких нибудь пять минут собрано семьсот динар, из которых 200 динар наличными П. С. Поляков получил тут же на собрании. Сбор подписей прошел с большим воодушевлением. Многочисленная Смедеревская Станица, охваченная стремлением стать на свои ноги, освободиться от зависимости понесла все, что имела, чтобы дело легализации как можно скорее удалось. Внесли свою лепту и присутствовавшие хуторяне, усилиями гг. Соламахиных и Назаренок оторванные было от казачьей массы.

Казачья Смедеревская станица — это оплот Вольноказачьего движения на Балканах. Когда после схода, казаки высыпали на улицы, то один сказал П. С. Полякову:

— Посмотрите на нас... Это ли не сила?.. Сотня готова!.. флаг Казакии и... да здравствует Вольное независимое Казачество!..

А казак Фоминец добавил:

— Мне бы шашку...

Встанет Казачество. Будет последнее казачье восстание и там... и здесь... Казачество учло свои ошибки и больше их не повторит.

Наш девиз — Казачья Воля...

Казакия — наша цель. (Соб. кор.)

Представители журнала „В. К.“:

(Из редакционного альбома).

Слева: А. П. КИРЬЯНОВ, казак ст. Ново-Андреевской, Сальского округа.

Справа: ВЛ. ЕРЕМЕЕВ казак ст. Ермаковской, 1-го Дон. округа.

32-ая встреча вольных казаков в Белграде.

13-го сего сентября в Белграде состоялась 32-ая встреча вольных казаков. На собрании председательствовал атаман П. С. Поляков. С докладами выступали:

И. М. Фастунов: Положение дел в Общеказачьей Скоплянской станице.

П. С. Поляков: Доклад о поездке в Смедеревскую казачью станицу.

Б. А. Кундрюцков: Резолюция I Конгресса Восточных Ассоциаций Польского Студенчества Варшавы, Вильно, Кракова, Львова и Познани, и ответ на нее.

Положение дел в Скопье в последнее время несколько улучшается. В недалеком будущем следует ожидать образования группы ВК. В данную минуту у скоплянцев идут переговоры между собой и с центром В Белграде. Собрание благодарило И. М. Фастунова за его работу в Скопье, а также приветствовало станичников-скоплянцев, становящихся в Вольноказачьи ряды.

Смедеревская станица в настоящую минуту показала себя как крепко спаянное ядро убежденных самостийников и поездка Окружного Правления увенчалась полным успехом.

Заслушав доклад П. С. Полякова о том, что сделала Смедеревская казачья станица, собрание выразило свою благодарность атаману ее Н. Л. Гнилозубу за умение и мудрое водительство.

Заслушав Резолюцию I Конгресса Польского Студенчества, присутствующие казаки-студенты вынесли единогласное решение ответить Президиуму Конгресса от лица казачьей академической группы. П. С. Полякову передан проект ответа и после исправления и дополнения ответ будет отослан в печать и непосредственно г. Бончковскому — Председателю Конгресса через Центр ВК в Праге.

После принятых решений собрание было закрыто.

(Соб. кор.)

Новый калмыцкий журнал.

Группа калмыков Югославянской колонии выпустила небольшой (12 листов ученической тетради), рукописный размноженный на шопирографе журнал, на калмыцком языке, русской транскрипцией. Называется он: „Мана санан“, что значит — Наша мысль.

Политического направления журнал пока не имеет. Цель, преследуемая журналом, судя по общему тону всех кратких, схематических статей — работа по сохранению национальных положительных особенностей своего народа, за его культурный прогресс и национальное возрождение. „Рано или поздно, некогда, подняв свою голову, судьбу народа взяв в свои руки, укрепим ее непременно“ (из передовицы).

Бодрый тон, уверенность в лучшее будущее, констатирование необходимости бороться за свою судьбу, дают повод верить, что здоровый дух журнала невольно поведет его по правильным национально-политическим путям.

Журнал имеет свои достоинства и недостатки. Согласно пожеланиям редакции „М. С.“, позволяю себе перечислить их: хорошо, что журнал вообще появился на свет; приятен и дух журнала; хорошо, что он весь на калмыцком языке; правильно, что он написан транскрипцией, а состав сотрудников подает надежду, что журнал будет и дальше развиваться. Редактор — Э. Николаев; секретарь — Кульдинов. Недостатки таковы: Рукописный журнал должен быть разборчиво написан; не обязательно — красиво, но четко непременно. „Мана Санан“ читается с трудом. Не было надобности вводить в транскрипцию новые знаки, да еще из сербского алфавита, так как эти звуки обычно передаются из русской азбуки: j и ц передаются при помощи я и ю, а ђ — через дж; отсутствует неясная гласная — э, так неизбежная в калмыцкой речи. В результате всего этого в передаче слов много ошибок.

В одной из статей сказана пара слов за необходимость сохранения монгольского шрифта и осуждается переход на транскрипцию. Чувство понятное, но жизнь уже сделала свое дело. Монгольский шрифт заброшен фактически давно. В Калм. Авт. Области вот уже больше десятка лет издаются транскрипцией газеты и журналы. Усилия наши развить и распространить грамотность монгольским шрифтом в эмиграции не привели ни к чему. Опасения Петра Иванова (автора заметки), что, приняв русскую транскрипцию, мы скоро обрусеем, меня умиляют но должен его заверить, что лучшим орудием против обрусения является самосознание, душа, а не тот значек, которым мы закрепляем свои мысли на бумаге и их распространяем. Хуже будет, если мы, боясь русского шрифта, не имея силы возродить и свое будем сидеть без дела. Тогда с нами будет то, что было с Буридановским ослом, который, не зная с какой начинать, умер с голоду между двумя вязками сена.

Хорошую мысль, здоровый дух, идею нужно сеять теми знаками письма, какие нам и нашему народу широко доступны. Все европейские народы имеют один шрифт — латынский. От этого они не слились и не потеряли свою национальную суть, тем более не стали латынянами. Любовь к своему хороша, но Дон-Кихотство — смешно. Если редакция „Мама Санан“ вздумает в будущем перейти на монгольский шрифт (предварительно научившись), сделает ошибку и будет работать впустую. Говорю это на основании опыта.

В общем же, дай Бог журналу процветание на пользу своего народа.

Санжа Балыков.

К казакам станицы Староминской.

Станичники!

Выброшенные судьбой из Родного Края, мы рассеялись по всему свету. Живем мы надеждой на возвращение, но, быть может, не всем суждено видеть родную Староминскую. Некоторые из наших станичников уже отошли в лучший мир, не оставив по себе памяти.

Группа станичников, проживающих в городе Белграде (Югославия), задалась целью соорудить икону, которая будет памятником нашего пребывания в изгнании и по возвращении будет поставлена в одном из станичных храмов. Икона будет иметь доску, на которой предполагается выписать имена и фамилии всех станичников, как живых, так и умерших. (Умерших — с указанием времени и места смерти). Временно икона будет поставлена в православной церкви.

Пожертвования на сооружение иконы, свои адреса и пожелания в честь какого святого соорудить икону, просим направлять по адресу:

Югославия. Белград, ул. Кнегиньи Зорке, бр. 37, атаману Кубанской Сидора Белого станицы П. И. Курганскому — для П. И. Булатецкого и Н. М. Дмитренко.

Икону намечается посвятить празд. Покрова Пресв. Богородицы или Христа Спасителя. Белградской группой пока пожертвовано 400 динар. Фамилии жертвователей будут помещаться в печати.

Приветствуем всех станичников — **Староминцы.**

Белград, Югославия.

Джигитовка в Смедерево.

6-го августа с. г. команда джигитов есаула Сиволобова прибыла в Смедерево и в тот же день продефилировала по улицам города, произведя на жителей своим отменным видом большое впечатление. Лихость и удаль, безукоризненная выправка и строй вместе с красочностью национальной формы вызвали нескончаемые разговоры и расспросы со стороны сербов о казачьей жизни, их славе и ратных подвигах.

На следующий день, в 4 часа по-полудни, состоялась джигитовка, закончившаяся захватывающими зрителей танцами. Несмотря на неудобства места (его недостаточность и песчанистый грунт), джигитовка прошла с большим успехом и при большом стечении зрителей, которые самым искренним образом восторгались удалью и молодечеством казаков-джигитов, поражаясь их ловкости и отваге. Разговорам не было конца.

Вечером местные казаки пригласили джигитов на чарку вина. Беседа как-то невольно вращалась вокруг одного больного для всех казаков вопроса: как бы поскорее нам вернуться на Родину, освободить наш казачий народ из тяжкой большевицкой неволи...

В задушевных беседах незаметно пролетело время и уже поздно было, когда казаки тихо и мирно расходились по домам и квартирам. Мы, смедеревские казаки, приносим сердечную благодарность есаулу Сиволобову и всем его джигитам за то, что своим посещением нашего города заставили и нас встрепенуться, вспомнить былую славу казачью и еще раз пережить радостные чувства восторга и национальной гордости своим родным, близким и прекрасным.

Пусть Вам Бог помогает, родные братья-наездники, носители нашей славы казачьей по далеким заморским краям. Будем работать и далее кто чем может на благо родному Казачеству: одни лихой джигитовкой и песней, другие упорным трудом и пером. Цель у всех нас одна: освободить родное Казачество, сделать его вновь еще более славным и свободным во веки.

Иван Кошкодаев.

К убийству каз. Никонова.

В жур. „В. Казачество“ в № 110-111 было напечатано по поводу убийства в ночь на 7-е августа каз. Григ. Иван. Никонова.

Теперь, после допроса девушки-убийцы судебным следователем выясняется, что фактическим убийцей должен быть мужчина, что девушка Волкова является скорее подставным лицом; иначе говоря — ближайшая участница этого убийства.

При допросе у следователя она не могла ни зарядить ни даже стрелять правильно из револьвера. А ведь пули, попавшие в грудь и шею немного выше ключицы, можно было закрыть одною ладонью. Причем две из них, пробившие сердце и лекое, были смертельны. Из этого ясно можно заключить, что стрелял мужчина с твердой рукой и большой практикой, а не женщина, которая не знает как обращаться с оружием.

Самое же главное, покойный не мог отлучиться со своей квартиры в злополучную ночь по собственному побуждению, т. к. у него в эту ночь в смежной комнате ночевали невеста и ея тетка (болгарки). Следовательно, надо полагать, что он был кем то вызван и приведен за несколько минут до убийства в ее квартиру, и там из мести, или на почве ревности убит.

При вскрытии трупа проф. Тодоровым оказалось, что в нем не было обнаружено абсолютно никаких признаков алкоголя. В вестниках же писали, что он был пьян.

Будем надеяться, что болгарские власти постараются розыскать действительного виновника, убийства и строго осудит его бесчеловечный поступок.

14-IX. 1932 г. София. **Ф. Е. Бабкин,**

Письмо в редакцию.

М. Г. Г-н Редактор,

Прошу не отказать в любезности дать мне возможность публично отсчитаться в израсходовании общественных сумм, дав место на страницах „ВК“ нижеследующему:

Около года тому назад умер здесь, в Южине калмык Бурульской стан. Арбушан Чепченов.

Для обозначения могилы памятником, по инициативе г. Ульянова было собрано по подписному листу — 98 франков и Т. И Ивановым собрано среди калмыков 63 франка. К этой сумме прибавились 100 франков, вырученные от продажи костюма покойного. Итого сумма в 261 франк была вручена мне для воздвижения памятника, а недостающую сумму обещал прислать брат покойного, унаследовавший его вещи.

Потребная для памятника сумма выразилась в 480 фр. Я заказал и дал задаток 100 фр. и немедленно написал брату покойного о присылке недостающих 180 фр. На мое письмо, как и на последующие мои четырехкратные обращения, брат этот не откликнулся.

Таким образом заказа я взять не мог, как не мог получить обратно и свой задаток 100 франков.

Не зная как быть дальше с оставшимися 161 франкам и я, как священник, вспомнил, что душа покойного не сопровождена напутственной панихидой и поэтому, для совершения оной, я послал эти деньги в Белградский буддийский храм с указанием назначения.

Доводя об этом до сведения жертвователей, прошу их не сожалеть, что деньги пошли не по первоначальному назначению, ибо для буддиста важна душа, а не останки. Ваши копейки пошли на дело препровождения его души в загробный мир.

[Южин]. **Санжа Аршинов.**

• КАЖДЫЙ ВОЛЬНЫЙ КАЗАК ДОЛЖЕН ПОДПИСАТЬСЯ НА СВОЙ ЖУРНАЛ! •

В Казакии.

Письмо с Терека.

... Дорогой Ф. И., письмо Ваше получили, за что очень Вам благодарны. Вашему сообщению и Вашим словам мы очень рады... Вы обижаетесь, что мы не пишем о нашем... нам теперь не до писем... Уже, можно сказать, подошел капут: жить нечем, тем боле хлеба нет... на станциях люди часто ложатся под поезд и их режет без конца, другие взбираются на высокую ветку и оттуда вниз головой, а то просто бросаются с мостов... Через голод — мука страшная, а пуд хлеба стоит 130 р., мяса же не увидишь, потому у кого даже есть курица, так ее нечем кормить.

Половина станицы разорена совершенно, а люди многие сосланы на Урал, можно сказать, самые примерные хлеборобы... подворья их растащены. К. бондарем на Урале, Д. тоже где-то, А. З. в Закаспии, а я удрал со своими в Н., где работаю на заводе, а в станице ни в коем случае жить нельзя; тут хоть кукурузы больше. Даже с Украины народ хлынул сюда.

... Ты обижаешься, Ф. И., что теща не отвечает тебе о своих... она как получит оттуда письма, так скорее их уносит со двора, очень боится; твою карточку тоже прислала мне, а то строго преследуют за это.

Народ весь худой, бледный — на кого ни глянь. Многие из наших... покончили свою жизнь в Пятигорске; под Машуком, напр., невинно погибли И. и С., П. и И. Ч., И. Ф. К., И. К., С. Н., В. М., В. и Е., М. Д., М. В., да всех и не могу перечислить, а в станице сейчас живут вдовы, да самая шантрапа. Станицей правит сейчас Н., а тетка твоя — активная работница, получила красную повязку. Работаем как моторы, без отдыха, а питаемся больше воздухом да водой. С тем и до свидания.

Затем передай привет всем станичникам. Желаю им много, много здоровья.....

Х.

На Дону (из письма.)

Весна была дождливая, мокрая, а весеннее наводнение, как в 1917 г., достигло небывалых размеров. Лето было также дождливое. Во 2-м Донском округе обработка полей закончена, но посев был слабый. Урожай же в этом году был очень мал, так что округу грозит голод.

В станице Есауловской, с церкви Архистратига Михаила, сняты все 12 колоколов и там же на площади кощунственно разбиты вдребезги. До боли тяжело было смотреть на этот позор, когда коммунисты молотками разбивали стародавнюю медь, которую наши предки, казаки-есауловцы, с таким старанием многими годами добывали на свои трудовые гроши...

— Так святотатственно и нагло, по разбойничи, нахлынувшие пришельцы заглушили звон колоколов в станице Есауловской... Быть может и надолго, а быть может и нет. Воскреснет Казачество, а вместе с тем вновь раздастся звон колокольный на привольных просторах родной Казакии.

Г. А.

По советским газетам.

Методы большевицкого „социалистического“ хозяйства последних лет начинают приносить плоды. Большевицкие газеты запестрели „борьбой“ с воровством „общественной — социалистической — собственности“. Воруют, конечно, не из любви к искусству, а гонит на это нужда и голод, до которых довели несчастное население наших Краев красные оккупанты.

В „К.З.“ 1 сентября вопят: „Расхищающих общественную собственность сурово карать“. „Не допустим воровства на заводе“.

Но на первом месте стоят, конечно, хлебозаготовки.

„Знать каждый колхоз, конкретно руковидить хлебосдачей“ — распоряжается „М.“ 1 сентября. „Новочеркасская парт. организация еще не поьернулась к хлебозаготовкам“ — там же.

В „М.“ 3 сентября признают: „неудовлетворительный ход хлебозаготовок“...

9 сентября: „Без строжайшего учета каждого килограмма хлеба — нет борьбы с хищениями и кулацким влиянием в колхозах“. „В шахтах плохо борются за хлеб“.

10 сентября: „Развернуть массовую борьбу с ворами социалистической собственности“.

11 сентября „М.“ подгоняет: „Усилить темпы обмолота хлеба“. Оказывается: „Свыше четырех пятых озимых и ранних яровых хлебов сжато и скошено. Большинство районов средней и южной полосы Союза в основном закончило или подходит к окончанию косовицы. В связи с этим, в ряде районов внимание к вопросам уборки урожая явно ослабело. Иначе не может быть об'яснен тот факт, что Северный Кавказ, Крым, Украина, Нижняя Волга последние пятидневки буквально топчутся на месте“.

Воровство растет. Крадут везде. 12 сентября „М.“ „нервничает“: „Расхитители социалистического добра на заводах творят кулацкое дело“. „Повысить классовую бдительность всех рабочих и заводских организаций в борьбе с хищениями на предприятиях“. „На цем. заводе „Пролетарий“ хищения заводского имущества стали частым явлением“. И т. д., и т. д.

„Тревожно“ и с осенней пахотой и севом. „Сроки на исходе, а засеяно только 2½% — жалуются в „М.“ 12 сентября. „Темпы пахоты неудовлетворительны“ — там же.

14 сентября: „Посевная кампания, подготовка полей, пахота и сев — развертываются крайне медленно, а во всех северных и восточных районах края идут с явным запозданием“... „Развертывание сева под угрозой“ (Новочеркасский район). „Даже передовые колхозы к севу не готовы“ (Староминская). „Районные сроки сорваны. Массовая работа по севу до сих пор не развернута“. „Для озимых землю не готовят. Уборку пропашных прекратили“ (в Старощербиновской).

„В Тихорецком районе, отстающем по хлебозаготовкам, нет решительной борьбы с расхитителями социалистического уражая“.

В „М·“ 15 сентября: „В Константиновском районе только 50 лошадей работают на севе“... „Нормы не выполняются“... „Семена несобраны“...

Там же 16 сентября: „Половина тракторов бездействует“ (в Павловском районе). „Георгиевский район вступает в сев неподготовленным. Тракторный парк неисправен, семена не собраны“.

Розыски.

Калмык Ново-Алексеевской станицы Доржа Манжиков разыскивает своего дядю по матери Садовинова, по слухам живущего во Франции. Лиц, знающих его адрес, просит сообщить по адресу: Tchècoslovaquie, Praha-Strašnice, Ruské gymnasium.

Открыта подписка

на иллюстрированный журнал литературный и политический

„ВОЛЬНОЕ КАЗАЧЕСТВО—ВІЛЬНЕ КОЗАЦТВО“

выходит 10 и 25 числа каждого месяца.

Условия подписки:	на 6 мес.:	на год:	цена отдельного номера:
В Чехословакии	40 кч.	80 кч.	5 кч.
Во Франции	40 фр.	70 фр.	4 фр.
В Югославии	60 дин.	100 дин.	6 дин.
В Болгарии	100 лева	200 лева	10 лева
В Румынии	200 лей	300 лей	20 лей
В Польше	10 зл.	20 зл.	1 зл.
В Германии	5 мк.	10 мк.	0·50 м.
В С. Америке и др. странах	2 долл.	3 долл.	0·20 долл.

Отдельные комплекты за 1930 и 1931 годы продаются: в Č. S. R. по 100 к. ч. за год, а заграницу — по 4 ам. доллара.

Подписную плату посылать по адресу: „Volné Kozáctvo“, Hradecká 2207, Praha-Vinohrady, Tchécoslovaquie.

Vydavatel: Ignat Bilyj. — Odpov. redaktor: Jaroslav Strohschneider. Novinová sazba povolena řed. p. a t. čís. 270532-VII.-1930.
Tiskem knihtiskaře A. Fišera. Praha-Strašnice č. 289.